

ОДЕЖДА КРЕСТЬЯНЪ СЛ. АРАПОВКИ,

Купянского уѣзда,

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НЕЙ И КЪ МАТЕРІАЛАМЪ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ ОНА СДѢЛАНА.

Приступая къ описанію одежды нашихъ Араповскихъ крестьянъ, я считаю необходимымъ сказать предварительно, что въ ней замѣчается нѣкоторая разница, сравнительно съ одеждой крестьянъ другихъ сосѣднихъ деревень: въ ней, какъ увидимъ ниже, отчасти выступаетъ городской, мѣщанскій элементъ, особенно въ одеждѣ женщинъ. Причина этого, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что наши крестьяне стараются отличиться отъ другихъ, стоятъ нѣсколько выше другихъ.

Для большаго удобства описанія раздѣляю одежду на бѣлье, верхнее платье и обувь.

Бѣлье. Бѣлье мужчинъ состоитъ изъ сорочки *) (рубашки) и штанивъ (портковъ). Обѣ эти вещи дѣлаются изъ простаго холста; матеріаломъ для него служитъ конопля (льна никто изъ Араповскихъ крестьянъ не сѣетъ). Стоятъ обѣ эти вещи, считая съ работой, отъ 1 руб. 20 к. до 1 р. 50 к. для взрослыхъ и отъ 70 к. до 1 р. для дѣтей, начиная съ 7 л. возраста. Дѣти моложе означеннаго возраста носятъ одну только длинную рубашку, которая стоитъ отъ 20 до 50 к. Холстъ для портковъ иногда окрашивается синькой. У каждаго мужчины бываетъ холщевыхъ рубашекъ и портковъ отъ 5 до 10

*) Названія одежды я употребляю малорусскія и великорусскія, потому что у насъ въ Араповкѣ употребляются и тѣ и другія.

штукъ, столько же и у дѣтей. Для праздниковъ каждый изъ молодыхъ мужчинъ имѣетъ по одной или по двѣ ситцевыхъ рубашки и столько же портковъ изъ какой-нибудь недорогой матеріи (отъ 20 до 35 коп. за аршинъ). Въ настоящее время въ большой модѣ синія рубашки (такъ называемыя русскія) съ каймой вродѣ вышивки на воротникѣ, пазухѣ и подолѣ, или же бѣлыя, коленкоровыя, съ вышивкой на воротникѣ, груди и обшлагахъ; но такія рубашки встрѣчаются на однихъ только Араповскихъ крестьянахъ, ситцевыя же есть и у крестьянъ другихъ деревень. Праздничная рубашка стоитъ отъ 1 р., до 2 р. портки отъ 75 к. до 1 р. 20 к. Праздничныя рубашки и портки бываютъ и у дѣтей, начинающая съ 10 лѣтняго возраста, т. е. съ того времени, когда они сами уже могутъ заработать на нихъ.

Бѣлые женскія состоятъ изъ рубашки, верхняя часть которой, станокъ, дѣлается изъ тонкаго холста, а нижняя, *нид-тичка* (подставка) изъ болѣе грубаго холста. У праздничныхъ рубашекъ станокъ дается изъ коленкора или же изъ тонкаго фабричнаго холста. Бываютъ еще праздничныя женскія рубашки, такъ называемыя *додилни*, т. е. такія, которыя всѣ до самаго низа (*до долу*) состоятъ изъ тонкаго холста. Женская рубашка стоитъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к., праздничная отъ 1 р. до 2 р., дѣтская отъ 50 к. до 1 руб. У каждой женщины тоже отъ 5 до 10 рубашекъ.

Верхнее платье. Верхнее платье мужчинъ состоитъ изъ свиты зъ вусами (зипунъ), свиты зъ воротникомъ и кожуха зъ вусами, зъ воротникомъ (тулупъ) и полушубка. У женщинъ, тоже бываетъ свита зъ вусами, или, какъ чаще ее называютъ, *куцына*, и кожухъ, но только непохожій на мужской—широкій, безъ усовъ (т. е. складокъ сзади) и съ неширокимъ отложнымъ воротничкомъ. Матеріаль, какъ для свиты, такъ и для кожуха наши крестьяне не покупаютъ, а получаютъ отъ своихъ овецъ. Впрочемъ, дубленые полушубки покупаются большею частію готовыми. У крестьянина средняго достатка для каждаго взрослого члена семьи имѣется по двѣ свиты съ усами (старая и новая) и по одному кожуху съ усами или полушубку. Свить съ большимъ воротникомъ, а также и кожуховъ бываетъ на всю семью по одному только экземпляру, да и то кожухи встрѣчаются рѣдко, а больше свиты. Употре-

блжаются они только тогда, когда кто-нибудь ѣдетъ въ дальнюю дорогу. У дѣтей, начиная съ 6—7 лѣтнаго возраста, бываетъ или двѣ свиты, старая и новая, или же свита и кожихъ. Свита съ усами для взрослого стоитъ отъ 4 р. до 4 р. 50 к., дѣтская отъ 2 р. 50 к. до 3 р.; свита съ большимъ воротникомъ отъ 5 до 6 р. Кожихъ съ усами мужской, недубленый—8 р., дубленый полушубокъ отъ 10 до 15 р.; женскій кожихъ 10 р., дѣтскій—отъ 3 до 4 р.; кожихъ съ большимъ воротникомъ отъ 10 до 12 р.

Осенью и весною молодые мужчины (особенно паробки) въ праздники почти не носятъ свиты, а больше чинарки (поддѣвки) и при томъ въ болѣе холодное время теплыя, на ватѣ, а въ теплое—на одной подкладкѣ; лѣтомъ же ходятъ или въ одной рубашкѣ (русской), подпоясавшись какимъ-нибудь цвѣтнымъ поясомъ, или же, если рубашка вышитая, то сверху нея надѣвають жилетъ. Молодые замужнія женщины и дѣвушки тоже почти не носятъ въ праздники простыхъ свитокъ, а больше *ватюшки свитки* (пальто), которыя можно встрѣтить на городскихъ мѣщанкахъ. Лѣтній костюмъ молодыхъ женщинъ тоже ничѣмъ не отличается отъ костюма мѣщанокъ: такія же юбки, ситцевыя, а иногда (у богатыхъ) даже и шерстяныя, кофты тоже или короткія (баски) или же длинныя (керасо). Такіе костюмы въ Араповкѣ встрѣтишь теперь на каждой молодой женщинѣ, тогда какъ въ сосѣднихъ деревняхъ ихъ почти не встрѣтишь, развѣ только 2—3 деревенскія франтихи носятъ ихъ. Впрочемъ и въ Араповкѣ старики и старухи не хотятъ еще пока разставаться съ старинной одеждой, хотя послѣднія отчасти уже и начинаютъ уступать модѣ, ибо ни одна изъ нихъ даже въ будни, не носитъ уже запасокъ (дергъ) и плахтъ, которыя когда-то были во всеобщемъ употребленіи вмѣсто теперешнихъ юбокъ, и которыя въ сосѣднихъ деревняхъ еще не вышли изъ употребленія.

Лѣтомъ всѣ молодые мужчины носятъ картузы, а зимой шапки. И въ этомъ отношеніи они стараются не отставать отъ моды: какъ только появятся новаго фасона картузы или шапки, тотчасъ же каждый старается приобрѣсти ихъ себѣ. Всѣ молодыя женщины покрываютъ голову небольшими платками, а на плечахъ носятъ большіе платки (шали). Повязокъ изъ платковъ, какія дѣлались въ старину, не встрѣ-

тишь ни на одной молодой женщинѣ; только тѣ дѣвушки, которыя выходятъ замужъ, и то лишь въ день свадьбы, повязываютъ голову шелковыми платками по старинному.

У каждой молодой женщины имѣются еще украшенія: намысто, крестики, серги.

Въ семьѣ среднего достатка у каждого молодого мужчины имѣется одна (а иногда и двѣ, теплая и холодная) чинарка, *) одинъ картузь и одна шапка. Теплая чинарка стоитъ отъ 3 до 5 руб., холодная отъ 2 до 4 р., шапка отъ 50 к. до 1 р. (дѣтская отъ 30 до 50 к.), картузь тоже отъ 50 к. до 1 р. (дѣтскій отъ 15 до 25 к.). У каждой молодой женщины бываетъ одна ватошна свитка, лѣтнихъ костюмовъ отъ 3 до 5 экземпляровъ, одинъ большой платокъ, небольшихъ платковъ отъ 3 до 5 штукъ. У дѣвочекъ, начиная лѣтъ 7—8, лѣтнихъ костюмовъ 2, будничный и праздничный, платковъ небольшихъ тоже 2. Ватошная свитка стоитъ отъ 4 до 6 р., лѣтній костюмъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. (дѣтскій 1 р. до 1 р. 50 к.), большой платокъ стоитъ отъ 1 до 3 р., небольшой отъ 20 к. до 1 р., украшенія отъ 50 к. до 1 р. Считаю нелишнимъ замѣтить при этомъ, что всю праздничную одежду молодые мужчины и женщины покупаютъ на свои собственные деньги, заработанные ими во время лѣтнихъ работъ; только въ зажиточныхъ семьяхъ, гдѣ молодежи рѣдко приходится ходить на заработки, такъ какъ своей работы всегда бываетъ много, вся одежда покупается на общія деньги.

Обувь. Описывая одежду нашихъ Араповскихъ крестьянъ, я сказалъ, что въ ней преобладаетъ мѣщанскій элементъ; нельзя того же сказать объ обуви, особенно мужской. Черевыки (коты) и до сихъ поръ еще не вышли изъ всеобщаго употребленія, такъ что въ будни, напримѣръ, ни на одномъ почти изъ нашихъ крестьянъ не увидишь сапоговъ. Для праздниковъ, впрочемъ, у каждого мужчины имѣется одна пара сапоговъ, но сдѣланы они по самой старинной модѣ, большіе и съ очень низкими каблуками. Наши крестьяне очень рѣдко покупаютъ готовые сапоги, а большею частію покупаютъ товаръ и отдають дѣлать мѣстнымъ сапожникамъ, потому что такая обувь выходитъ гораздо прочнѣе. Только у двухъ-

*) Холодные чинарки имѣются не у каждого; теплыя же у всѣхъ, даже у бѣдняковъ.

трехъ деревенскихъ франтовъ встрѣтишь щегольскіе сапоги „объ ногѣ“ и съ каблуками въ вершокъ высотой.

Женщины же и въ отношеніи обуви всячески стараются не отставать отъ моды. Гораздо большая половина женщинъ и дѣвушекъ носятъ въ будни *полсапожки* (башмаки съ небольшими голенищами, имѣющими спереди разрѣзъ, по краямъ котораго вдѣланы мѣдные пистоны; въ эти пистоны затягивается ленточка, которой стягиваютъ голенищи, чтобы они плотно охватывали ногу), а въ праздники „ботинки“ съ резинами, съ довольно высокими каблуками. Старухи лѣтомъ носятъ мелкіе башмаки (черевики), а зимою сапоги или полсапожки.

У каждаго мужчины имѣется одна пара сапоговъ и одна пара черевыкъ. У каждой молодой женщины имѣется одна пара полсапожекъ и одна пара ботинокъ; у старухи пара мелкихъ башмаковъ и пара полсапожекъ или сапоговъ. У каждаго изъ дѣтей, начиная съ 6—7—лѣтняго возраста, обуви бываетъ только по одной парѣ: у мальчиковъ пара сапоговъ или черевиковъ (котовъ), у дѣвочекъ одна пара полсапожекъ. Мужскіе сапоги стоятъ: головки—отъ 3 р. до 3 р. 50 к., вытяжки—отъ 4 р. до 6 р., черевыки—отъ 1 р. до 2 р.; дѣтскіе сапоги—отъ 1 р. 50 к. до 2 р., черевыки—отъ 50 к. до 1 р.; женскіе сапоги—отъ 2 до 4 р., ботинки отъ 2 р. до 2 р. 50 к., полусапожки отъ 1 р. 50 до 2 р., дѣтскіе полусапожки—отъ 75 к. до 1 р., мелкіе башмаки 60 к. до 1 р. Вся обувь покупается въ каждой семьѣ на общія деньги, получаемыя отъ хозяйства.

Теперь нелишнимъ будетъ вывести стоимость всей одежды каждаго отдѣльнаго члена крестьянской семьи средняго достатка, а также и то, сколько времени какая одежда можетъ носиться.

Вся одежда молодого мужчины

стоитъ отъ 31 р. 75 до 59 р. 40 к

или въ среднемъ выводѣ . . . 45 „ 57¹/₂ „

Одежда старика 26 р. 50 „ 47 „ — „

„ „ „ „ 36 „ 75 „

„ молодой женщины . . . 40 „ 10 „ 66 „ 50 „

въ среднемъ выводѣ . . . 53 „ 30 „

„ старухи . . . 33 „ 20 „ 52 „ — „

„ „ „ 42 „ 60 „

Одежда мальчика	9 р. 45 "	19 "	25 к.
въ среднемъ выводѣ	14 "	35 "	"
" дѣвочки	10 " 65 "	21 "	40 "
" " "		15 "	52 ¹ / ₂ "

Холщевая рубашка можетъ носиться два года, праздничная, ситцевая, лѣтъ пять, штаны—столько же; свита отъ 3 до 4 лѣтъ, козухъ лѣтъ около 20, чинарка лѣтъ 5—6, шапка года 3, картузь 2 года, лѣтній женскій костюмъ года 2—3, обувь—не болѣе года.

Въ заключеніе приведу нѣсколько примѣтъ и повѣрій, относящихся къ одеждѣ и къ матеріаламъ, изъ которыхъ она дѣлается.

Ленъ. Ленъ есть скакунъ и слипецъ. Скакунъ лучший на волокно, та тилько якъ переспіе, то все зерно зъ ёго выскоче. Его выбираютъ надзелень и становлють снопы въ кучи, а якъ просохнуть, то ихъ потыхеньку перекладають на рядна и выминають зерно; перевезты-жъ ихъ на тикъ немолочени ніякъ нельзя: все зерно выскоче.—Якъ починають сіяты лёнъ або прядыво, то на пидмети (на той полосѣ, гдѣ ихъ сѣють) ідять яйця, щобъ волокно биле було.—Якъ посажають въ пичъ паскы, то на пичъ сыплють лёнъ (сѣмена), щобъ не було повытыци (растеніе, вьющееся по стеблямъ льна).—Якъ на Вдокіи (1 марта) соняшно зранку, то ранній лёнъ уроде, якъ о-пивъ-дня—середній, якъ передъ вечеромъ—пизній, а якъ увесь день соняшний, то всякій.

Пряжа и полотно. Пидъ середу не годыться бросаты на гренины мычку, а то Середа буде їи допрядаты, спихъ одбяраты.—При мисади прасты не годыться. Одна жинка пряла пры мисади, а воно щось пидійшло пидъ викно, одсунуло кватырку та й кинуло въ хату цилый оберемоць веретинъ, щобъ бачъ за ничъ вона ихъ вси напярала. Вона мерщій (скорѣе) давай намотувати на кожне веретено по ныточци и повыкыдала ихъ вси за викно. А воно щось и сказало за викномъ: „ну догадалась, а то булобъ тоби лыхо“.—Въ пятницю прасты грихъ.

Якъ билиють полотно, то въ рубчыкъ кожного куска зашывають кусочокъ квичальной (клепальной?) осыкы, щобъ вухоръ полотна не занисъ, бо то въ вухрови крутыться лыха лычына (чортъ), а вона боится квичальной осыкы.—На Ивана Купала (24 іюня)

рвуть полынь и сушать ёго, и якъ золють въ первый разъ полотно, то въ жлукто (большой улей, въ который складываютъ холстъ или бѣлье, пересыпанное золой, и льютъ на него кипяткъ) кыдають сѣго полыню и пучку соли, щобъ полотно швыдче вбилося.—Золаты полотно або сорочки въ пятныцю грихъ. Одна жинка золила въ пятныцю. Приходять до неи Богъ та святий Петро та й кажуть: „сѣгодня грихъ золаты, и за те, що ты се робышь, выбрай соби яке хочъ наказаніе съ трѣхъ: або дви жмени гарячої золи зыжь, або дви ложки гарячого щолоку выпый, або двоухъ близнать выгудуй. Вона й согласилась близнать годуваты, а їи дви гадюкы и впялось въ груди; такъ вона й ходыла по всій слободи, щобъ уси люды дывылись на неи та каялись и не золилы въ пятныцю.

Рубашка, штаны. На Михайлово чудо (6 сентября) грихъ кроиты сорочку або штаны. Одна жинка кроила на Михайлово чудо, а сусидка прыйшла до неи та й каже: „сѣгодня грихъ кроиты: празныкъ, Михайлово чудо“. А вона їй и каже, „чудно буде, якъ покрою“. Та съ тыхъ поръ всю жысть свою вона все ризала ножныцами, що не запопаде.—Якъ первый разъ надиваешъ нову сорочку або штаны, то скризъ ныхъ треба прокынуты ножыкъ и сказаты: „хто зализо вкусе, той хрещеного, мольтвенного (имя) скусе; хто зализо зыіть, той хрещеного, мольтвенного (имя) зыіть“.—У кого въ новій сорочци рубецъ завернется въ подоли, той буде багатый *).—Якъ заведуться вугры на лыци, то треба ёго втыраты сорочкою спяною, що бѣ воны зійшы на спыну.—На Новый годъ треба надиваты нову сорочку, щобъ цилый годъ булы нови сорочки.—Якъ родыться дытына, то въ той день негодыться рваты ничого полотняного, а то дытына буде сорочки дуже рваты (скоро изнашивать).—Въ понедилокъ не годыться надиваты билон сорочки або штанивъ, а то немынешъ напраслыбы.—Жинци въ одній сорочци не годыться выходыты на двирь: корова заколе.

Платокъ. Замужній жинци не годыться ходыты простоволосій (съ непокрытой головой): домовый волосся обирве. Одна

*) Примѣта эта относится ко всякой одеждѣ, какъ-то: къ свитѣ, кожуху и т. п.

жинка вышла въ сины простоволоса, а домовый взявъ та й стягъ ии за волосся на горище.

Шапка. Шапку не годиться вертиты на руди: голова боли-
тyme.—Жинци не годиться надиваты шапки: коса не ростyme.

Поясъ. Якъ почувешъ первый разъ гримъ, треба вмыться зъ
рички противъ воды и втертысь краснымъ поясомъ, що бь
красывому буты.

Намысто. Мужыкови не годиться намыста надиваты: кобыла
голову откусе.

Чоботы. Новый чобить не годиться въ первый разъ надива-
ты бизъ онучи и вустилкы: холодный буде.—Праву ногу тре-
ба вбуваты впередъ, щобъ чоботы не кривылысь.—На первый
Святъ-вечеръ треба въ новый чобить встлаты вустилку зъ сина
або зъ соломы, надить ёго на праву ногу и носыты до Но-
вого году, на Новый годъ перевернуты ии на другой бикъ, а
писля водосвятія выйняты и берегты, бо вона згидлыва: нею
пидкурюють корову, якъ захвора.

Всѣ эти повѣрія и примѣты распространены не только ме-
жду крестьянами сл. Араповки, но и въ другихъ ближайшихъ
деревняхъ съ малорусскимъ населеніемъ; узналъ я это пото-
му, что не разъ говорилъ объ этомъ съ крестьянами этихъ
деревень.

Учитель Араповскаго народнаго училища

Моисей Скубакъ.

СТЕПАНЪ ЛУКИЧЪ ГЕЕВСКІЙ.

Множество мемуаровъ, записокъ и воспоминаній общественныхъ и литературныхъ дѣятелей первой половины текущаго вѣка, напечатанныхъ въ послѣдніе годы въ историческихъ журналахъ, въ особенности въ Русской Старинѣ (укажемъ, напр., на превосходныя воспоминанія Никитенка), пролило свѣтъ на умственное состояніе русскаго общества въ началѣ настоящаго вѣка. Оказалось, что въ это, повидимому, глухое и невѣжественное время среди областной интеллигенціи было много бодрыхъ, свѣтлыхъ, энергическихъ личностей, которыя, какъ кораллы Океаніи, своимъ скромнымъ трудомъ готовили почву для воспріятія послѣдовавшихъ затѣмъ великихъ литературныхъ даровъ со стороны Пушкина, Тургенева, Достоевскаго и государственныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Къ числу такихъ мелкихъ работниковъ на обширной и маловоздѣланной нивѣ отечественнаго просвѣщенія отчасти принадлежатъ мѣстный харьковскій писатель и педагогъ Степанъ Лукичъ Геевскій. Имя его теперь совсѣмъ неизвѣстно, да и въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, т. е. во время его дѣятельности, имя его, какъ писателя, не пользовалось большою извѣстностью, потому что С. Л. Геевскій рѣдко печаталъ свои литературныя произведенія и затѣмъ подъ главнымъ своимъ трудомъ, — Сборникомъ стихотвореній, изданнымъ въ 1835 г., подписался инициалами С. Г. При всемъ томъ, личность и дѣятельность С. Л. Геевскаго заслуживаютъ вниманія со стороны людей, интересующихся историческимъ ходомъ образованія въ Харьковѣ, какъ просвѣтительная дѣятельность человека, мно-

го лѣтъ потрудившагося перомъ и живымъ словомъ въ положеніи преподавателя русскаго языка во второй Харьковской гимназіи, въ разныхъ пансіонахъ (Зимницкаго, Сливickaго) и во многихъ частныхъ домахъ. Къ числу учениковъ С. Л. Геевского принадлежатъ профессора Харьковского университета А. Н. Стояновъ и И. П. Сокальскій.

Предлежащія строки написаны отчасти на основаніи печатныхъ сочиненій С. Л. Геевского, преимущественно на основаніи неизданныхъ рукописныхъ его трудовъ и автобіографическихъ замѣтокъ, любезно доставленныхъ мнѣ сыномъ его, А. С. Геевскимъ, съ добавленіемъ личныхъ воспоминаній и поясненій, безъ чего мнѣ трудно было бы разобраться въ разбросанномъ черновомъ матеріалѣ. Настоящая статья—посильный вкладъ въ исторію второй Харьковской гимназіи, гдѣ Геевскій много лѣтъ состоялъ старшимъ учителемъ русскаго языка, и гдѣ я, позднѣе, получилъ образованіе.

С. Л. Геевскій родился 28 ноября 1813 г. въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Отецъ его, Лука Ивановичъ, былъ по своему времени образованный человекъ и заботился объ образованіи своего сына. „Отецъ мой, замѣчаетъ С. Л. Геевскій въ одномъ автобіографическомъ отрывкѣ, рѣдко занимался со мною; ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и при томъ любилъ читать книги, которыхъ у него было очень много“—характерная подробность для мелкопомѣстнаго дворянина-малоросса начала нынѣшняго вѣка. С. Л. Геевскій съ благодарностью вспоминалъ о нравственно-воспитательномъ вліяніи на него отца. Онъ спалъ съ отцомъ на одной кровати, и называетъ ее своей первой школой, въ которой ему переданы были отцомъ „первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Здѣсь я выслушивалъ и прелестнѣйшія сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца), здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи, здѣсь я выучилъ прямо изъ устъ отца первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры, здѣсь-же сообщались мнѣ и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на 7 году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ В. и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ. Все это живо занимало мое младен-

ческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли".

Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца, С. Л. Геевскій поступилъ въ Зеньковское повѣтовое училище, которое окончилъ въ 1825 г., 12 лѣтъ, и затѣмъ былъ отданъ въ Полтавскую гимназію. Впослѣдствіи въ своей автобіографической запискѣ онъ такъ вспоминалъ о своей поѣздкѣ съ отцомъ въ Полтаву: „Изъ Опошны мы выѣхали на большую дорогу, и черезъ часъ, не болѣе, были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ перваго верстъ на 6. Будищи такъ не примѣчательны, что и говорить объ нихъ нечего. Но за то проѣхавши еще верстъ 6, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ триумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ черезъ лѣсную дорогу къ церкви съ Чудотворною Иконою Угодника Николая и потомъ въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой рассказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея — предка нынѣ знаменитыхъ Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живописномъ повѣствованіи отца моего я познакомился тогда съ исторіей своего края, и ему быть можетъ обязанъ тою любовью и ревностью, съ которыми впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украинѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣскольکو верстъ, мы видѣли мѣсто побоища Русскихъ съ Шведами, которое и до нынѣ называется *Побиванскою*. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ города Полтавы. Отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдаль холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находится отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы не смотря на позднее время рѣшились посмотрѣть ее вблизи.—Полтава была у насъ какъ на ладони, не смотря на то, что еще оставалось проѣхать верстъ 7. Чудный лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія, вечеръ, который можно только найти въ нашей благословенной Украинѣ и Малороссіи, обнялъ насъ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѣхали шагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣ-

шить, — даже я, при всемъ своемъ безпокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ — и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнные образы давно минувшихъ событій: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозное таинственное лицо Мазепы, и Карлъ XII на носилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ прострѣленной шляпой, и страшное, покрытое трупами Полтавское поле, — въ это же самое время предъ глазами моими раздвигалась картина совсѣмъ другого рода, безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромновъ въ Харьковъ, почталыонъ скачущій во весь духъ съ своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ по дорогѣ, богатая жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи, а налѣво другая картина: Полтава, погруженная во мракъ пыли, монументъ съ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Въ этомъ восклицаніи и въ общемъ описаніи украинской природы съ экскурсіей въ малорусскую исторію видно, что мелкопомѣстная дворянская семья Геевскихъ крѣпка была любовью къ родному краю и черпала въ этой любви духовную силу.

Изъ Полтавской гимназіи С. Л. Геевскій поступилъ въ Харьковскій университетъ по юридическому факультету. На третьемъ курсѣ, тогда послѣднемъ, онъ изучилъ языки французскій и польскій настолько основательно, что не только читалъ и говорилъ на этихъ языкахъ, но и писалъ на нихъ стихотворенія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ была кафедра польскаго языка; лекторомъ былъ профессоръ русской исторіи Артемовскій — Гулакъ. Въ 1833 г. Геевскій, по опредѣленію совѣта университета, награжденъ былъ серебряной медалью за сочиненіе по политической экономіи.

По окончаніи курса въ университетѣ, Геевскій опредѣлился на службу въ 1834 г. въ канцелярію Харьковскаго губернатора съ жалованьемъ по 15 руб. въ мѣсяцъ. Недостаточность средствъ и скучныя канцелярскія занятія лѣтомъ 1834 г. настолько стали тяготить Геевского, что онъ собирался оставить службу и уѣхать въ свой отцовскій хуторъ; но тутъ помогъ ему содержатель пансіона Павелъ Николаевичъ Рейпольскій,

доставившій ему уроки въ семьѣ Ковалевскихъ. О первыхъ своихъ шагахъ на педагогическомъ поприщѣ Геевскій говорить слѣдующее въ автобіографической запискѣ: „(Рейпольскій) радушно, умно принялъ меня и въ самомъ благодѣяніи, которое дѣлалъ мнѣ, умѣлъ высказать всю нѣжность души, все знаніе сердца человѣческаго, и ни взглядомъ, ни словомъ не оскорбилъ самой тонкой струны—самолюбія молодого человѣка, который находится въ необходимости принимать благодѣянія. Я никогда не забуду его ласковаго пріема. Прежде всего онъ объяснилъ мнѣ, что онъ слышалъ давно уже съ какимъ успѣхомъ я кончилъ курсъ въ университетѣ и всегда имѣлъ меня въ виду отрекомендовать въ учителя добрымъ его знакомымъ. Эти знакомыя его были семейство Ковалевскихъ—помѣщиковъ Харьковскаго уѣзда. О. П. Ковалевская имѣла двухъ сыновей—Петра и Павла и дочь Александру, оставшихся послѣ мужа, который когда-то воспитывался въ пансіонѣ Рейпольскаго, *) потомъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и женился, потомъ впалъ въ меланхолію, ипохондрію и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Его жена, оставшись вдовой, посвятила себя совершенно дѣтямъ; и дѣйствительно, въ отношеніи къ нимъ она выполнила наилучшимъ образомъ священныя обязанности матери. Дѣти были еще маленькія—9, 10 и 11 лѣтъ. Рейпольскій, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и видя, что дѣти достигли уже надлежащаго возраста, совѣтовалъ воспитывать ихъ въ Харьковѣ, хотя и до того они имѣли прекрасную гувернантку. Къ этимъ-то дѣтямъ я былъ приглашенъ учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи. Какъ довѣренная особа, Рейпольскій заключилъ со мною тутъ-же договоръ: я долженъ былъ приходить къ нимъ 4 раза въ недѣлю, заниматься по 2 часа теоретически и практически, за что обѣщано мнѣ было по пяти руб. ас. за урокъ. На другой день утромъ (это было воскресенье) я отправился въ квартиру Ковалевскихъ, засталъ тамъ уже и Рейпольскаго, былъ отрекомендованъ хозяйкѣ, познакомился съ дѣтьми. Меня просили начать уроки во вторникъ—назначены бы-

*) Пансіонъ Рейпольскаго считался лучшимъ на всемъ югѣ Россіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Здѣсь воспитывался И. В. Росковшенко, переводчикъ Шекспира (подробно во 2 кн. *Русск. Архива* 1890). *Прим. Н. С.*

ли утренніе часы съ 8-ми до 10 часовъ. Во вторникъ я въ назначенное время явился; меня отвели въ особенную классную комнату, гдѣ дѣти были уже совершенно готовы, и гувернантка на своемъ мѣстѣ; во всемъ былъ порядокъ; видно было, что устроилъ знатокъ дѣла. Первый урокъ прошелъ въ томъ, что я знакомился съ понятіями и познаніями дѣтей: заставлялъ ихъ читать, писать, разказывать, что они знали изъ исторіи и географіи и т. д. Я нашелъ, что дѣти хотя и мало еще знали, но имѣли прекрасныя способности. Мнѣ было очень пріятно начать новое поприще съ такими умными дѣтьми. На слѣдующій урокъ я уже задалъ имъ кое что изъ грамматики, изъ исторіи и географіи; приходя на урокъ всегда находилъ все приготовленнымъ исправно; видно было, что дѣти выдержаны отлично и за ними смотрѣлъ материнскій глазъ.— Такъ прошло около 2-хъ мѣсяцевъ: я постоянно въ 8 час. утра въ назначенные дни приходилъ къ Ковалевскимъ, въ 10 уходилъ въ канцелярію и занимался до 1 часу; жизнь моя текла мирно и безматежно. Разумѣется, постороннія занятія мои, т. е. уроки, которые имѣлъ я, нѣсколько вредили службѣ моей въ официальномъ и буквальномъ ея значеніи: это тотчасъ же и было замѣчено людьми, которые любятъ все замѣчать.— Князь *) вскорѣ узналъ, что я прихожу въ канцелярію только въ 11-мъ часу. Онъ призвалъ меня къ себѣ и напомнилъ мнѣ, что упущенія по службѣ нигдѣ и никогда не извиняются, что это можетъ повредить мнѣ и многое другое. Я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ это, и когда князь, повидимому, кончилъ и только въ отеческое назиданіе присовокупилъ— „надѣюсь что болѣе этого не будетъ!“ я при всей скромности моей, рѣшился открыть ротъ и выпустить нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ былъ слѣдующій: Я, В. С., бѣдный человекъ, получаю жалованья только 15 р. ас., и потому чтобы хоть какъ нибудь жить я долженъ зарабатывать на сторонѣ, и теперь если прихожу на службу въ 11-мъ часу, то это происходитъ отъ того, что отъ 8—10 ч. работаю тамъ-то... Эта краткая рѣчь, вѣроятно, сказанная со всѣми признаками простодушія и невинности, имѣла свое хорошее дѣйствіе. Князь совершенно перемѣнилъ тонъ свой, спрашивалъ

*) Князь Трубецкой, Харьк. Губернаторъ съ 1834 по 1837 г.

подробно о томъ и другомъ и, наконецъ, торжественно не только дозволилъ мнѣ являться въ 11-мъ часу, но еще при-совокупилъ: объявите и другимъ чиновникамъ, которые могутъ давать уроки, что и они могутъ пользоваться такимъ позволеніемъ“. Мало этого, на другой же день кн. Трубецкой предложилъ правителю канцеляріи Петину дать Геевскому лучшее мѣсто въ канцеляріи, чтобы онъ могъ получать рублей 500 ас. жалованья. Чрезъ недѣлю или полторы дѣйствительно открылось такое мѣсто—помощника столоначальника въ уголовномъ столѣ съ жалованьемъ 450 р. ас. въ годъ, и Геевскій получилъ его. Новыя занятія его въ уголовномъ столѣ были болѣе для него интересны: здѣсь уже была не пустая отписка разныхъ отношеній и донесеній, а цѣлая дѣла, часто весьма интересныя во многихъ отношеніяхъ. изъ которыхъ Геевскій составлялъ выписки и экстракты, излагалъ мнѣнія—и такимъ образомъ теоретически и практически знакомился съ службой и съ жизнью.

Кругъ товарищей сослуживцевъ не удовлетворялъ Геевского. Ему не нравилось, что сослуживцы его „слишкомъ дѣловые“ люди. Въ то время какъ они предпочтеніе отдавали вину, трубкѣ и картамъ, Геевскій находилъ особенную прелесть въ книгахъ и въ природѣ. Любимымъ занятіемъ его было стихотворство. „Если ты, молодой человекъ, обращается Г. къ молодежи, исполнивши всѣ обязанности твои къ Богу, Царю, обществу и самому себѣ, имѣешь затѣмъ свободное время, пиши себѣ, что знаешь, передавай бумагѣ мысль и чувства прозой или стихами: ты сохранишь святость чувства и души, не растлѣешь среди обольщеній свѣта, не очерствѣешь, не обвѣешься холодомъ міра“. Согласно съ этихъ правоученіемъ, Геевскій часы досуга посвящалъ поэзій, читалъ и сочинялъ. Наклонность къ стихотворству обнаружилась въ немъ еще на гимназической скамьѣ. Въ числѣ рукописей Геевского сохранилась тетрадь „Упражненія въ прозѣ и стихахъ“, написанная еще въ гимназій, съ помѣткой года 1829. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ накопилась довольно большая тетрадь стиховъ, и Геевскій рѣшился издать ихъ. Впослѣдствіи онъ такъ отзывался о своемъ первомъ печатномъ опытѣ: „Если писать стихи не составляетъ ничего предосудительнаго, то печатать ихъ во всякомъ случаѣ дуроче-

ство... Я и теперь краснѣю, что мнѣ пришла эта глупая мысль, не потому, впрочемъ, чтобы я не былъ увѣренъ въ ихъ достоинствѣ или боялся критики—нѣтъ, единственно потому, что я едва сбился на копѣйку и рѣшился тотчасъ же пустить ее на отпечатаніе книги, отъ которой нельзя было ожидать пользы! но дѣло сдѣлано, стихотворенія переписаны, отправлены въ цензуру—и вотъ въ одно прекрасное утро принесена мнѣ съ почты посылка—раскрываю, и вижу: *непечатать дозволяется*... Я, разумѣется, былъ въ восторгѣ и въ тотъ-же день составилъ подписной листъ; подписка шла весьма плохо, такъ что не доставало цѣлой трети для напечатанія книги—и я, скрѣпивши сердце, приложилъ рублей 70 ас. своихъ и отдалъ въ университетскую типографію. Вѣрно въ типографіи было немного дѣла, и стихи мои чрезъ мѣсяцъ были напечатаны въ числѣ 150 экземпляровъ, изъ которыхъ 50 розданы по подпискѣ, штукъ съ 20 раздарилъ, нѣсколько продалъ. Въ журналахъ объ этихъ стихахъ не сказано ни слова“.

Сборникъ стихотвореній 1835 г. заключаетъ всего 19 стихотвореній (нѣсколько оригинальныхъ, но большинство переводныхъ изъ Ламартина, В. Гюго, Мильвуа). Общій тонъ стихотвореній романтическій; прославляется любовь, упоминаются туманный вечеръ, луна, ночной вѣтеръ и т. п. подробности романтики. Стихотворенія проникнуты мыслью, что „все въ мірѣ сновидѣнье“ и сожалѣніемъ о непродолжительности добра и счастья. Вообще, содержаніе стиховъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, незначительно и безцвѣтно. Нельзя отказать Геевскому въ легкости и плавности стиха. Встрѣчаются мягкія, плавныя и выразительныя строфы. Геевского увлекали, какъ видно изъ его стихотворенія „Уединеніе“, „любовь, поэзія, гармонія небесъ, священной музыки напѣвы, и голосъ томный милой дѣвы, и рѣчи сладкія сквозь слезы“

Лѣтомъ 1836 г. Геевскій заболѣлъ. Недѣли черезъ 4, видя что здоровье не поправляется, онъ взялъ 28-дневный отпускъ, и по совѣту доктора уѣхалъ въ деревню лѣчиться чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Отпускъ былъ началомъ отставки. Оставивши службу и уроки, онъ переѣхалъ въ свой хуторокъ, гдѣ и прожилъ около года. По выздоровленіи, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ и явился къ губернатору (князю Трубецкому). „Его

сіятельство, говоритъ Геевскій въ своихъ воспоминаніяхъ, принялъ меня очень ласково, спрашивалъ меня подробно обо всемъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ опять поступить въ его канцелярію. Но какъ класснаго и штатнаго мѣста въ то время не было, а на общанія я уже не рѣшался полагаться; то я поблагодарилъ его за предложеніе и рѣшился ожидать чего-нибудь болѣе опредѣленнаго и вѣрнаго въ моемъ положеніи; а между тѣмъ сдѣлалъ визиты Ковалевскимъ и Артемовскому, у которыхъ я прежде давалъ уроки. Послѣдніе визиты были болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ, потому что я былъ вновь приглашенъ давать уроки, не смотря на то, что мѣста были заняты другими учителями. Я приобрѣлъ такую довѣренность прежними моими заслугами, что имъ было отказано. Такимъ образомъ, на первый случай, я былъ обезпеченъ..... Неопредѣленность положенія моего въ свѣтѣ сильно беспокоила меня; мнѣ очень хотѣлось служить, и какъ испыталъ уже разъ неудачу по гражданской службѣ, то естественно долженъ былъ обратиться искательство на другое поприще. Случай скорѣ представился. Въ Харьк. губ. гимназій по случаю сильно увеличившагося количества учениковъ допущено было раздѣленіе классовъ на паралельные, и по предмету русскаго языка и географіи открылось вакантное мѣсто—

Послѣ разныхъ хлопотъ со стороны Геевскаго и лицъ, расположенныхъ къ нему, онъ былъ опредѣленъ въ Харьковскую первую гимназію учителемъ русскаго яз. и географіи 11 апр. 1838 г. Два раза онъ исправлялъ должность учителя русской словесности. 1 августа 1841 г. онъ былъ перемѣщенъ во 2-ую Харьк. гимназію учителемъ тѣхъ-же предметовъ. Съ 5 сент. 1842 г. было поручено ему преподаваніе русской словесности въ 4-мъ классѣ 2-й Харьк. гимназій. 26 іюля 1843 г. Г. былъ утвержденъ учителемъ русской словесности въ той-же гимназій и занималъ эту должность до выхода въ отставку въ 1853 г.

Въ началѣ весны 1840 г. Геевскій заболѣлъ и уѣхалъ на родину; поѣздка облегченія не принесла ему никакого. Онъ пріѣхалъ въ Харьковъ такимъ-же больнымъ, какъ и выѣхалъ. Тогда онъ обратился къ доктору, котораго сынъ воспитывался во 2 гимназій—Рындину. Это былъ человѣкъ веселаго нрава: онъ принялъ Геевскаго ласково, весело, беззаботно и ре-

цептъ писалъ, насвистывая какой-то романсъ. Потому-ли что рецептъ прописанъ подъ звуки веселаго романса, или по другой причинѣ, Геевскій вскорѣ настолько поправился, что написалъ комедію: *Бурсакъ-Учитель*. Онъ написалъ ее въ 1840 г. подъ вліяніемъ „Пана Халявскаго“ Квитки и тогда же послалъ ее въ цензуру—въ Москву. Цензура, продержавши рукопись около полугода, возвратила ее безъ дозволенія печатать, но съ замѣчаніями цензора Каченовскаго, который подзрѣвалъ въ ней какой-то пасквиль и требовалъ измѣненія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. Все это, конечно, исправлено было въ угоду цензору въ нѣсколько дней, и *Бурсакъ* былъ отправленъ опять въ Москву. Случилось такъ, что придирчивый Каченовскій въ это время уже умеръ, и рукопись Геевскаго была разсмотрѣна и разрѣшена Баршевымъ. Тогда Геевскій приступилъ къ напечатанію. Наученный опытомъ, какъ неудачна бываетъ предварительная подписка, онъ рѣшился печатать сочиненіе на собственные средства. „Бурсакъ“ вышелъ въ 1842 году въ 300 экз. Это сочиненіе, какъ сборникъ стихотвореній 1835 г., издано было подъ инициалами С. Г. Вскорѣ появился отзывъ въ декабрьской книжкѣ *Отечеств. Записокъ* 1842. Это была маленькая замѣтка въ полстраницы въ ругательномъ тонѣ. „Бѣда съ этими провинціальными литературами, кievской, харьковской, астраханской, говоритъ рецензентъ; ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь“. Далѣе, „Бурсакъ“ названъ порожденіемъ безвкусія. Эта въ сущности пустая и мелкая рецензія очень огорчила Геевскаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ знакомыхъ Геевскаго, прочитавъ рецензію, возымѣли о немъ, какъ писателѣ, дурное мнѣніе, въ особенности его товарищи и пріятели.—„Одна изъ знакомыхъ, писалъ впоследствии Геевскій, пріѣхавши разъ вечеромъ къ женѣ моей, спрашивала таинственно: что Ст. Лук. читалъ критику?—читалъ, отвѣчала жена... Что же это сильно огорчило его?—Не знаю, право. Представьте, душенька Софья Тимофеевна, я полагала, что онъ сошелъ съ ума, да мнѣ даже и говорили объ этомъ“... Пріятели Г., встрѣтившись съ нимъ въ гостинной, не знали что и какъ говорить. Такъ сильно было въ то время вліяніе печатнаго слова. Мелочная и пустая критическая замѣтка въ *Отеч. Зап.* произвела на Г. удручающее впечатлѣніе. „Состоя-

яніе души моей въ это время, писалъ онъ въ послѣдствіи, было настроено къ мизантропіи. Я рѣшилъ жить съ книгами: въ нихъ заключилъ все общество свое; ими ограничилъ все свое развлеченіе. Мнѣ такъ было отрадно и сладостно жить и мыслить въ этомъ обществѣ, что я началъ понемногу успокаиваться... Чтобы не утратить образъ и подобіе Божіе, я долженъ былъ отыскать развлеченіе и принялся читать, читать все, что только могло мнѣ нравиться въ какомъ нибудь отношеніи. Не могу исчислить всего прочитаннаго мною въ эти года: тутъ былъ и Шекспиръ, и Сервантосъ, и Мольеръ, и Байронъ, и Дикенсъ и Гюго, и Куперъ, и Вальтеръ-Скоттъ, и Пушкинъ, и наши русскіе романисты, и греческіе лирики, и Софокль... Безъ сомнѣнія кому нибудь бросится въ голову вопросъ: гдѣ же я, при моихъ обстоятельствахъ, (т. е. учительскихъ занятіяхъ) могъ набрать столько времени? Я ложился въ 9^{1/2} или 10 часовъ, вставалъ въ 5; въ это время у насъ въ домѣ еще все спало: въ продолженій 3-хъ часовъ много можно прочесть, да сверхъ того и днемъ, а особенно въ праздникъ, и на каникулахъ можно было украсть нѣсколько часовъ свободы. Я рѣшилъ и самъ еще написать что-нибудь, не смотря на плохой успѣхъ первыхъ моихъ опытовъ. Естественно, что сатирическое направленіе должно было быть наиболѣе мнѣ по сердцу. Къ этому времени принадлежатъ повѣсти и рассказы мои: „Воспитанница“, „Своя Семья“, „Спектакль въ старомъ театрѣ“ и „Зимнія приключенія“, которые я нигдѣ не напечаталъ, а также: *Объ украинскихъ чумакахъ* (Харьк. Губ. Вѣд. 1845 № 24), *Воспоминаніе объ Украинѣ*, три статьи; первая ст. *Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украины* напечатана въ 1846 г., въ 38 № Полт. Губ. Вѣд. *О бабахъ и дѣдахъ* (Сѣв. Пчела, 1846, № 123). Кромѣ того перевелъ двѣ большія статьи: *О сѣверной народной поэзіи*, съ французскаго (chant du Nord, X. Marmier.) и *О новогреческой народной поэзіи*, съ польскаго (Piesni Ludu Nowogreckiego, A. Chodzki *): Эти статьи нигдѣ не напечатаны. Всѣ труды, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ всенев-

* Повѣсть—*Воспитанница*—потеряна. Передъ статьями—*О сѣверной народной поэзіи* и *о Новогреческой народной поэзіи*, въ рукописяхъ находится

ныхъ занятій, да кромѣ того, подѣ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ на-глухо. Боже мой! Да вѣдь если бы эти мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе—все таки я пріятнѣе за ними проводилъ время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба“.

Кромѣ статей, поименованныхъ Геевскимъ въ автобіографической запискѣ, было довольно много другихъ. Такъ, въ бумагахъ Геевскаго сохранились три его рѣчи, именно:

1) Разсужденіе о происхожденіи, постепенномъ усовершенствованіи, богатствѣ и силѣ русскаго языка.—(Рѣчь читана на актѣ въ Харьк. губ. гимназіи 9 сент. 1838 г.).

2) Объ Америкѣ и вліяніи ея на Европу.—(Рѣчь произнесена въ торж. собр. Харьк. гимн. 1 сент. въ 1840 г.)

и 3) О современномъ направленіи словесности въ соприкосновеніи къ общественной жизни (произнесена въ торжественномъ собраніи второй гимназіи 4 сент. 1846 г.). Рѣчь Г. о направленіи словесности имѣетъ эпиграфомъ изреченіе Де-Сисмонди: „il faut savoir pour sentir, savoir pour penser, savoir pour parler; il faut toujours comparer soi-même, puisqu'on sera sans cesse comparé, il faut étudier ce qui existe, non pour l'imiter, mais pour rester independant“... Въ началѣ рѣчи разобраны мнѣнія Менцеля и Сталь объ отношеніи литературы къ жизни, затѣмъ указаны главныя направленія латературныя въ XVII—XIX ст., ложноклассическое и романтическое, и, наконецъ, отмѣчено современное направленіе литературы.—„историческое“, основными элементами котораго, по опредѣленію Г., являются „народность, какъ познаніе жизни предковъ, и современниковъ, и критицизмъ, какъ строжайшій анализъ этой жизни“. Рѣчь составлена въ формѣ научной монографіи, съ ссылками на сочиненіи французскихъ, польскихъ и русскихъ писателей.

еще предисловіе (36 стр.), изъ котораго видно, что Геевскій предполагалъ обширный трудъ, который онъ озаглавилъ: „Краткое обозрѣніе народной и писемной литературы знаменитѣйшихъ народовъ въ Европѣ“. „Статьи, болѣею частью, я предполагалъ (писать Геевскій въ концѣ предисловія) переводныя: нѣкоторыя изъ нихъ переведены вполнѣ, другія—заимствованы, нѣкоторыя снабжены прибавленіями и примѣчаніями“.

Сохранилось еще около тридцати неизданныхъ стихотвореній Г. Такъ, мы располагаемъ въ настоящее время въ рукописяхъ *) слѣдующими стихотвореніями: 1) *Къ....*, начинается словами „Въ печальной жизни часть и на чужбинѣ я встрѣтилъ васъ“..., 2) *Сонетъ*: „Я васъ увидѣлъ и въ груди моей разлился потокомъ огненнымъ восторгъ любви святой“, 3) *Сонетъ*—„Выпомнители тѣ минуты упоенья“, 4) *Дружескій советъ*: „Когда ты встрѣтишь милое созданье“ и пр., 5) большой *Отрывокъ изъ поэмы Оссіана Лорма*, 6) *Видѣніе*: „Не на яву, и не во снѣ прекрасное видѣніе явилось однажды мнѣ“... 7) *Встрѣча новаго года*: „Прекрасный гость, давножеланный“ и пр. 8) „Желалъ бы я на вѣкъ ее забыть“... 9) *Челнокъ* (изъ Ходзька), 10) *Дерево на берегу Сѣвернаго моря* (изъ Мармье), 11) *Поэзія любви*: „Пускай пустой, ничтожный міръ толкуетъ мою любовь, какъ хочетъ“..., 12) *Мольба поэта*: „Хотя житейская дорога поэта“..., 13) *Маленькому насѣкомому*: „Зачѣмъ ползешь ты, крошка, по дорогѣ?“... 14) *Не позабудь*: „Не позабудь, что для тебя я потерялъ спокойствіе души“..., 15) *Жизнь*: „Пустое слово, звукъ пустой“..., 16) *Перелетныя птицы* „Взгляните на птицъ, улетающихъ изъ рощи родимой“ (изъ Мармье), 17) *Моя карьера*—„Я молодъ былъ; душа моя стремилась, жаждала привѣта“. 18) *Отрывокъ изъ неизданной трагедіи „Карлъ Мартель“*, 19) *Акrostихъ на польскомъ языкѣ „Swiatla gwiazdeczka“*. 20) *Pondo* на франц. яз., 21) *Kon Spiżowi* на польскомъ языкѣ, 22) *Меланхолія*: „Я зналъ красавицу“ (изъ Мармье), 23) *Разбитая Лира*: „Какъ часто въ рощахъ отдаленныхъ“ (изъ Маремье), 24) *Мои желанья*: „Ты знаешь ли тотъ несравненный край“, 25) *Забытая пѣсня*: „Въ зеленой рощѣ соловей“, 26) *Раздумье*: „Зачѣмъ въ глубинѣ души моей такъ часто дивное творится; то жажду я волненій и страстей; то міръ невѣдомый мнѣ снится? Зачѣмъ въ безмолвіи, въ тиши уединенья горятъ волшебныя мечты, и я готовъ искать утѣхъ и наслажденья средь дразгъ мірскихъ и суеты? Зачѣмъ, когда погаснетъ день, и мракъ ночной сгустится надъ землей, люблю бесѣдовать я самъ собой, съ своею думой и

*) Рукописныя стихотворенія С. Л. Геевскаго переданы мною въ бібліотеку Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ. Н. С.

мечтой? Зачѣмъ..., 27) *Фаросскій маякъ* „Среди бездонныхъ моря
вотъ“..., 28) „О много, много нужно мнѣ“... и 29) *Странникъ*:

Кто-бъ ни былъ ты, пришлецъ неожиданный,
Изъ странъ ли Азіи святыхъ,
Съ береговъ-ли пальмами вѣчаныхъ,
Лѣсовъ Сибири вѣковыхъ,—
Или оттуда гдѣ народы
Въ порывѣ бѣшенныхъ страстей
Мѣняютъ звукъ своихъ цѣпей
На кликъ отчаянный свободы,
Скажи, гдѣ тотъ далекій край,
Гдѣ тѣ невѣдомыя страны,
Гдѣ бы найти душевный рай
И залѣчить сердечныя раны?—
Ты былъ вездѣ, ты видѣлъ все:
Палаты, царскіе чертоги,
И поселянъ житье-бытье,
Пыри вельможъ и трапезу убогихъ...

СТРАННИКЪ.

Я видѣлъ свѣтъ...
Но, вѣрь мнѣ, счастья въ мірѣ нѣтъ...

Графъ А. К. Толстой посвятилъ Малороссіи прекрасное
стихотвореніе „Ты знаешь край“, на извѣстный гетевскій мо-
тивъ „Kennst du das Land“. На этотъ же очаровательный мо-
тивъ и также въ приложеніи къ Малороссіи Геевскій напи-
салъ стихотвореніе „Мои желанія“, въ которомъ встрѣчается
нѣсколько удачныхъ строфъ, не лишенныхъ притомъ автобіо-
графическаго интереса, напр.:

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ,
И отъ луговъ прохладой чудной вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колосъ,
И слышится вдали знакомыхъ пѣсенъ голосъ.

О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто уношусь туда душою.—
На пажитяхъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелый жизни путь.

Акростихъ на польскомъ языкѣ написанъ Геевскимъ для своей жены, Софьи Тимофеевны, дочери харьковского писателя Селиванова.

Swiatła gwiazdeczka błysnęła na niebie:
Ona płynęła cicho... Jej blask palający
Padal na ziemią—ach długo ja patrzyłem na ciebie...
Harfa z ręki upadła... blask ślepił oczy!
Ja kocham tu gwiazdku, kocham jak Boga!
Anioł tam żyje, tam żyje moja droga!

(Свѣтлая звѣздочка блеснула на небѣ; она плыла тихо; блескъ ея пылающій падалъ на землю... Долго я смотрѣлъ на нее; арфа выпала изъ рукъ моихъ; блескъ слѣпилъ очи; я люблю эту звѣздочку; въ ней живетъ ангелъ; въ ней живетъ моя милая).

Въ 1845 г. въ Харьковѣ была польская опера. Стихотвореніе „Бронзовый конь“ написано 22 декабря 1885 г. на другой день послѣ оперы „Kon spizowy“, написано оно, какъ значитъ въ рукописи, „dla panny Katerzyny Seliwanowej“.

Pani! wspomnij jak w teatrze wczora,
W smutnej godzinie zimnego wieczora,
Ja powiedziałem tobie o pięknej miłości
Dwóch kochanków... J tyś prosiła miłości!...
A może sama z sobą o nem myślała...
O, ja znam, znam te serce dziewicze;
Pojmuje wszystkie jego tajemnice—
Znam dobrze, że ty już zakochała
Jakiegoś młodego szczęśliwca...
Te widze z blasku twych oczu i z twego lica!
Jak ten Mandarin, co w teatrze widziała,
Na koniu spizowym, i ty daleko latała—
Może w kraj szczescia i miłości!...

(Вспомни, какъ вчера въ театрѣ, когда на дворѣ стояла зимняя ночь, я говорилъ тебѣ о прекрасной любви двухъ сердець. Ты просила о состраданіи. Можетъ быть ты сама думала о миломъ; я знаю дѣвичье сердце, понимаю всѣ его тайны; знаю, что ты уже полюбила какого-то молодого счастливца; то я вижу по блеску твоихъ глазъ, по игрѣ твоего лица, какъ тотъ мандаринъ, котораго ты видѣла въ театрѣ на бронзовомъ конѣ, и ты улетала, вѣроятно, въ страну счастья и любви).

Стихотвореніе „Моя карьера“, написанное 10 января 1853

г., вскорѣ по выходѣ Г. въ отставку, имѣетъ автобіографическій интересъ.

Я молодъ былъ—душа моя
Стремилась, жаждала привѣта;
Но не нашла она у свѣта
Того небеснаго огня,
Который сердцу жизнь и счастье
И радость, и любовь даетъ...
Прошли года—пришло ненастье:
Кругомъ туманъ, дождь ливня льетъ...
Душѣ взгрустнулось одинокой...
И жажда знанія, труда
Меня томила вновь жестоко—
И нѣтъ опять душѣ плода!...
.... не ушелъ я отъ страданій,
И таже на плечахъ сума...
И волѣ Божіей отдавши
Жизнь, разумъ и всего себя,
Молю, лицомъ къ землѣ припавши,
Призри о Господи меня!...

С. Л. Геевскій слѣдилъ за научными работами по исторіи Малороссіи, перечитывалъ ихъ и самъ кое-что писалъ по украинской исторіи. Статья его объ украинскихъ чумакахъ, напечатанная въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1845 г. № 24, представляетъ, какъ онъ самъ указываетъ, переводъ изъ журнала „Tygodnik Petersburski“ 1840 № 35. Статейка небольшая, но написана хорошо, съ фактической обрисовкой чумацкаго быта, въ мягкомъ тонѣ. „Украинецъ любитъ эти степные походы; всегда задумчивый, всегда угрюмый, онъ доволенъ жизнью въ своихъ пустынныхъ поляхъ, ибо они родственны врожденному его характеру, прежнему образу жизни и печальнымъ думамъ Украины“. Въ концѣ статьи приведено 4 старинныхъ чумацкихъ пѣсни. Самостоятельнымъ трудомъ Г. представляется „Краткій очеркъ“ Украины, напечатанный въ 38 № „Полт. Губ. Вѣд.“ 1846; были оттиски въ видѣ маленькой брошюрки въ 20 стр. Здѣсь сначала говорится о названіяхъ Южной Россіи, о границахъ Малороссіи, о новороссійскихъ степяхъ, о запорожцахъ и казакахъ, ихъ укрѣпленіяхъ, преимущественно о курганахъ, затѣмъ о климатѣ и природѣ Украины, и, наконецъ, объ ея исторической жизни; обо всемъ этомъ говорится очень коротко. Съ фактической стороны сочиненіе это

не имѣетъ значенія. Оно любопытно потому, что указываетъ на живой интересъ къ Малороссіи со стороны автора. Любовь къ родинѣ сказывается въ общемъ приподнятомъ тонѣ статьи и въ идеализаціи народной жизни. Напр.: „Вдали мелькають селенія и хутора, мельницы, необятныя нивы и степи... Здѣсь то поселянинъ, ничѣмъ необеспокоиваемый (?), удаленный отъ шума большихъ городовъ, живетъ собственными трудами, не знаетъ нужды, порождаемыхъ многолюдствомъ, и окруженный своимъ семействомъ, радуется имъ... Въ Малороссіи природа такъ благодѣтельна, почва земли столь плодородна, климатъ такъ благорастворенъ, что при всемъ невниманіи жителей къ землѣ, въ урожайные годы бываетъ неимовѣрное изобиліе во всемъ; въ садахъ деревья ломаются отъ тяжести плодовъ; огороды тонуть въ зелени, а благодатные поля и тучные луга доставляютъ столько хлѣба и сѣна, что недалеквидные поселяне, не умѣя сберечь его про черный день, сбываютъ за безцѣнокъ (стр. 16)“. Изъ подстрочныхъ ссылокъ Геевского на источники видно, что онъ знакомъ былъ съ сочиненіями по малорусской исторіи и народной слесености Боплана, Энгеля, Бантышъ-Каменскаго, Маркевича, Скальковскаго, Максимовича, Срезневскаго.

Какъ преподаватель, Геевскій оставилъ послѣ себя хорошее воспоминаніе. Проф. А. Н. Стояновъ говорилъ мнѣ, что Геевскій былъ образованный и гуманный учитель и что онъ своей личностью и преподаваніемъ оказывалъ благотворное вліяніе на учениковъ. Проф. И. П. Сокальскій, бывшій ученикомъ въ пансіонѣ Земницкаго, гдѣ Геевскій давалъ уроки, сообщилъ мнѣ, что Геевскій въ обращеніи съ учениками отличался добротой и привѣтливостью.

По выходѣ въ отставку Геевскій прожилъ девять лѣтъ. Къ 50-мъ годамъ относятся два ненапечатанныхъ труда С. Л. Геевского: 1) *Описаніе Зеньковскаго уѣзда Полт. губ.* и 2) *Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ*. „Описаніе“ Зеньковскаго уѣзда составлено было въ 1857 г. по порученію предводителя дворянства Зеньковскаго уѣзда для Великаго Князя Константина Николаевича. Сочиненіе это было передано предводителемъ дворянства Полтавскому губернатору Волкову. Сочиненіе объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ составлено въ 1859 г. и отправлено бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову.

Вышедши въ отставку по разстроенному здоровью, съ маленькимъ пансіономъ въ сто тридцать рублей въ годъ (т. е. одной третью того жалованья, которое онъ получалъ на службѣ), Геевскій перешелъ на постоянное жительство въ свой хуторокъ, въ 3 верстахъ отъ г. Зенькова. Хуторокъ этотъ, заключающій около 30 десят. земли, остался ему послѣ отца, умершаго въ 1832 г. Хуторокъ едва могъ доставить нѣскольکو четвертей хлѣба для прокормленія семейства С. Л. Геевского, состоявшаго изъ жены и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, и нѣсколько возовъ дровъ для отопленія маленькаго домика о 4 комнатахъ. Въ хуторѣ были крѣпостные крестьяне 15 душъ, изъ коихъ только три человѣка взрослыхъ, причемъ одного изъ нихъ въ Крымскую войну пришлось выставить ратникомъ. Главной заботой Геевского было дать образованіе двумъ своимъ сыновьямъ. Сначала онъ самъ подготовлялъ ихъ; но, когда старшему его сыну исполнилось 11 л., а младшему 9^{1/2}, явилась необходимость отдать ихъ въ училище, на что у Геевского не было средствъ. Въ 1856 г. Геевскій опредѣлилъ своихъ дѣтей въ харьковскій частный пансіонъ Сливицкаго, обязавшись за ученіе ихъ давать уроки русской словесности въ томъ же пансіонѣ въ 4 классахъ. Такъ шло до 1859 г. Старшій сынъ С. Л. Геевского былъ въ послѣднемъ классѣ, младшій классомъ ниже. Но здоровье С. Л. Геевского не выдержало послѣднихъ усилій; онъ заболѣлъ желтятицами и принужденъ былъ оставить занятія въ пансіонѣ. Въ 1860 г. старшій его сынъ, Андрей Степановичъ, окончилъ пансіонъ и поступилъ въ Харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету, а младшій годомъ позже въ физико-математическій. С. Л. Геевскій проживалъ въ хуторѣ, и содержаніе 2 сыновей въ Харьковѣ было ему непосильно. Предводитель дворянства Зеньковскаго уѣзда Т. Г. Пащенко содѣйствовалъ въ освобожденіи старшаго сына Геевского отъ платы за ученіе въ университетѣ (40 р.). Потерявъ всякую надежду на выздоровленіе, Геевскій рѣшился просить общество пособія литераторамъ и ученымъ объ оказаніи въ теченіе 3 или 4 лѣтъ денежнаго пособія его дѣтямъ для окончанія курса въ университетѣ. Было уже составлено въ этомъ смыслѣ прошеніе на имя Павла Михайловича Ковалевскаго для передачи въ общество. Прошеніе это однако не было от-

правлено, вѣроятно, по случаю послѣдовавшей вскорѣ кончины С. Л. Геевскаго. Онъ скончался въ своемъ родномъ хуторѣ 26 янв. 1862 года.

Послѣ С. Л. Геевскаго осталась библіотека, заключавшая въ себѣ много старинныхъ книгъ, напечатанныхъ въ столицахъ и въ Харьковѣ въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Большая часть этихъ книгъ въ послѣдніе годы пожертвована А. С. Геевскимъ частью въ фундаментальную университетскую библіотеку, частью въ библіотеку Историческаго Архива. Въ Историческій Архивъ, кромѣ того, поступило отъ А. С. Геевскаго въ даръ нѣсколько рукописей XVIII и XIX ст. Въ 1876 г. была пожертвована А. С. Геевскимъ въ фундаментальную библіотеку цѣнная рукопись: „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества“ 1787 г., съ 15 картинами уѣздовъ и плановъ городовъ. Проф. Ю. И. Морозовъ напечаталъ эту рукопись въ „Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1878 г. №№ 15—16.

Н. О. Сумцовъ.

15 октября 1889 г.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ДРЕВНОСТЕЙ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

Не разъ мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи не представляетъ почти никакого интереса. Когда поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, то многіе прямо спрашивали, какіе же такіе памятники старины можно найти въ этой области, которая заселилась въ прошломъ или позапрошломъ вѣкѣ, а до того времени представляла изъ себя пустую степь. И это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Мы напрасно бы стали искать въ Харьковѣ вещественныхъ памятниковъ даже недавней казацкой Слободско-Украинской старины—ихъ одежды, вооруженія, домашней утвари и т. п. Не найдемъ мы и курганныхъ предметовъ болѣе древняго времени: каменныхъ и бронзовыхъ орудій. По крайней мѣрѣ покойный гр. А. С. Уваровъ, сгруппировавшій въ своей замѣчательной книгѣ „Каменный вѣкъ въ Россіи“ всѣ данныя подобнаго рода по другимъ губерніямъ, о Харьковской не говоритъ ни слова. Обратившись къ общей археологической литературѣ—къ различнымъ изданіямъ археологиче-

*) Рефератъ, прочитанный Д. П. Багалъемъ въ извлеченіи на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 10 января 1890 г. Въ основу его положены всѣ тѣ печатные и рукописные источники, которыми авторъ пользовался при составленіи Археологической карты Харьковской губ. и которые указаны въ его объяснительной запискѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ лѣтописей актовъ соч. П. В. Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы“, статьи В. Пассека „Границы Юж. Руси“ и собственныхъ монографій („Ист. Сѣверской земли“ и „Очерки изъ ист. кол.“).

скихъ обществъ, съѣздовъ и т. п., изслѣдователь пришелъ бы къ такимъ же неуѣшительнымъ для себя результатамъ относительно вещественныхъ памятниковъ Харьковской губерніи.

Но вотъ Московское Археологическое Общество приняло на себя починъ въ дѣлѣ составленія археологическихъ картъ отдѣльныхъ губерній и объяснительныхъ къ нимъ записокъ; исполненіе этихъ работъ поручено мѣстнымъ изслѣдователямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картъ теперь уже окончены и составляютъ одну изъ важнѣйшихъ и, позволю себѣ сказать, пріятнѣйшихъ особенностей нынѣшней археологической выставки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что только такимъ путемъ и возможно осуществить то грандіозное предпріятіе, которое намѣтило себѣ Имп. Московское Археологическое Общество. Областной способъ разработки громаднаго теперь уже археологическаго матеріала принесетъ здѣсь несомнѣнно такіе же важные результаты, какіе получились въ изученіи русской исторіи. Отдѣльныхъ фактовъ, приуроченныхъ къ той или другой мѣстности, накопилось множество; разбросаны они въ цѣломъ рядѣ общихъ и мѣстныхъ изданій и въ такомъ видѣ ускользаютъ даже отъ внимательнаго взора. Необходимо по крайней мѣрѣ подвести итоги тому, что сдѣлано, разобраться въ накопившемся матеріалѣ и привести его хотя въ какую нибудь систему для того, чтобы сдѣлать первоначальные выводы. Меня лично привела къ этой мысли работа, надъ составленіемъ Археологической карты Харьковской губерніи. Занявшись составленіемъ этой карты, я долженъ былъ прежде всего привести въ извѣстность по возможности всѣ источники, какъ печатные, такъ и рукописные. На основаніи этихъ матеріаловъ я и составилъ свою Археологическую карту и краткую объяснительную записку къ ней. Не буду характеризовать своихъ источниковъ, какъ сдѣлалъ это въ своей запискѣ. Но послѣ составленія записки у меня явилось желаніе сгруппировать этотъ матеріалъ, пополнить его новыми историческими и географическими данными, сдѣлать характеристику *важнѣйшихъ видовъ* мѣстныхъ памятниковъ доисторической старины, и подвести, такимъ образомъ, итоги всему тому, что даетъ въ этомъ отношеніи Харьковская губер. Если мнѣ и не удастся достигнуть этого, то во всякомъ случаѣ не бесполезна будетъ и самая постановка вопроса; важно знать, въ

какую сторону нужно направить усилія и розысканія. Въ концѣ концовъ Харьковская губ. останется позади другихъ мѣстностей относительно памятниковъ старины; но все таки изъ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ поразнымъ изданіямъ мелкихъ фактовъ возродится цѣльная картина. Картина эта не будетъ отличаться яркостью красокъ, но важно уже то, что тамъ, гдѣ не было по общему убѣжденію ничего, появится нѣчто. А о томъ, каково это нѣчто, можно судить по нижеслѣдующему изложенію.

Обыкновенно считаютъ Харьковскую губернію новымъ краемъ, представлявшимъ изъ себя въ теченіе многихъ столѣтій настоящую пустыню. Но археологическія данныя, въ связи съ нѣкоторыми отрывочными историко-географическими указаніями приводятъ къ мысли о существованіи въ ней населенія съ самой глубокой древности. Здѣсь проживали представители разныхъ народностей, изъ которыхъ намъ извѣстны только болѣе поздніе. Уже въ *каменный* періодъ тутъ жилъ какой-то народъ, которому должны принадлежать кремневые стрѣлки, найденныя въ Изюмскомъ, Купянскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, и каменные молотки, отысканныя въ Изюмскомъ, Богодуховскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. Существовалъ ли здѣсь человекъ въ эпоху мамонта, сказать не можемъ, по неимѣнію данныхъ; но мамонтъ здѣсь жилъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ находка почти цѣльнаго остова его въ Ахтырскомъ уѣздѣ въ д. Костевкѣ. *Бронзовая* культура не представляла здѣсь самостоятельной эпохи и носила характеръ смѣшанный. Бронзовыя вещи спорадически находимы были въ Зміевскомъ, Купянскомъ, Богодуховскомъ, Старобѣльскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, именно: топоры, стрѣлы, фибулы, кольчуги. Но наиболѣе характерными въ этомъ случаѣ являются находки въ Богодуховскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ И. А. Зарѣцкаго. Найденныя И. А. Зарѣцкимъ вещи куплены для Историческаго музея. Великолѣпно исполненный альбомъ этихъ древностей приобрѣтенъ у него Августѣйшимъ почетнымъ Предсѣдателемъ Историческаго музея. Вещи эти найдены отчасти въ песчаныхъ буграхъ, а отчасти въ курганахъ. Пользуясь сообщеніями г. Зарѣцкаго, я постараюсь разобрать его находки. Г. Зарѣцкій не отличаетъ вещей, найденныхъ въ песчаныхъ буграхъ, отъ предметовъ, выкопанныхъ изъ кургановъ, и думаетъ, что они

одинаковаго происхожденія. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Въ песчаныхъ буграхъ находимы были предметы разнообразнаго характера и происхожденія, начиная отъ древнѣйшихъ каменныхъ издѣлій и оканчивая желѣзными; въ курганахъ—только бронзовые и желѣзные. Правда, между тѣми и другими мы находимъ значительное сходство, но есть и различіе; бронза, и при томъ въ типическихъ формахъ, преобладаетъ въ буграхъ, а въ курганахъ ея очень немного. Въ песчаныхъ буграхъ кромѣ множества стрѣлъ были найдены слѣдующія бронзовыя вещи: копье, мечъ, кельтъ, иглы, шила, рыболовные крючки, колесо, гарпуна, принадлежности сбруи, фибула и т. п. Въ курганахъ г. Зарѣцкій находилъ золотыя, желѣзныя и бронзовыя вещи; изъ золотыхъ вещей особенное вниманіе обращаютъ на себя замѣчательныя по отдѣлкѣ бляшки, служившія украшеніемъ колчана и представляющія изъ себя изображеніе крылатыхъ львовъ и грифовъ; всѣ они прекрасной художественной работы, хотя и въ варварскомъ вкусѣ; затѣмъ идетъ золотой витой обручикъ съ головы, вѣсомъ въ 8¹/₂ зол., наконецъ, серьги; бляшки по характеру рисунка напоминаютъ аналогичныя Скифо Сарматскія.

Желѣзные предметы наиболѣе многочисленны; они встрѣчаются во всѣхъ курганахъ: сюда относятся удила, копья, бляшки, гвозди, ножъ; бронзовые предметы въ курганахъ нетипичны и притомъ всегда находимы были вмѣстѣ съ желѣзными; таковы: стрѣлы, шпилька, крючекъ, наконечникъ, копья и, наконецъ, бронзовая фигура съ разными изображеніями, служившая украшеніемъ на колчанѣ. Всѣ эти вещи относятся, на нашъ взглядъ, къ желѣзному вѣку. Возстановить типъ мѣстнаго погребенія г. Зарѣцкій отказывается, и дѣйствительно сдѣлать это довольно трудно; повидимому, здѣсь было нѣсколько погребальныхъ типовъ. Въ Витовой могилѣ, напримѣръ, покойникъ лежалъ завернутый въ ткань и мѣхъ; подъ нимъ лошадь, а въ углу ямы колчанъ съ золотыми бляхами. Въ Опишлянскомъ курганѣ яма была выжжена; въ ней стоялъ сосудъ со жженными человѣческими костями и колчанъ; въ курганѣ № 6 покойникъ лежалъ въ берестяной лодочкѣ; въ головахъ у него стоялъ сосудъ съ просомъ и золотыя серьги; подъ нимъ въ деревянномъ срубѣ оружіе и принадлежности конской сбруи.

Спрашивается теперь, можно ли на основаніи всей совокупности данныхъ, представляемыхъ находками, рѣшить вопросъ о народности покойниковъ? Я думаю, что нѣтъ. Г. Зарѣцкій высказываетъ предположеніе въ пользу славянорусскаго происхожденія лихачевскихъ древностей и основываетъ его на находкѣ обоюдоостраго меча, римской монеты, серпа и костей свиньи. Но доказательства эти очень слабы. Замѣчу вкратцѣ только слѣдующее. Одна часть скивоовъ занималась земледѣліемъ; слѣдовательно, находка серпа и проса сама по себѣ не противорѣчитъ предположенію о Скивахъ. Къ сожалѣнію, находка эта стоитъ какъ то особнякомъ и относится не къ курганамъ, а къ песчанымъ буграмъ. Г. Зарѣцкій считаетъ значки на стрѣлахъ славянскими рѣзами; но въ нихъ скорѣе можно видѣть знаки собственности; во время общей охоты на звѣрей, которыхъ, кстати сказать, въ этой мѣстности было очень много, такіе значки были необходимы, чтобы рѣшить вопросъ, чья стрѣла сразила животное. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ домашней жизни лихачевскихъ покойниковъ самую важную роль играютъ конь и колчанъ со стрѣлами, преимущественно сопутствующіе воинственнымъ обитателямъ степей. Наконецъ, что особенно важно, среди всѣхъ этихъ предметовъ мы все не находимъ такихъ, которые характеризуютъ намъ славянорусскую эпоху; здѣсь даже вовсе не было найдено серебра. Единственною, точною хронологическою датою является римская монета Септимія Севера (к. II-го и нач. III-го в. по Р. Х.), найденная, впрочемъ, въ буграхъ. Она имѣетъ важное значеніе въ этомъ дѣлѣ, указывая не на Эллинскій, а на послѣдующій сармато-римскій періодъ жизни; при томъ находка эта не стоитъ особнякомъ.

Кладъ Всѣ извѣстные намъ клады въ предѣлахъ Харьковской губерніи дѣлятся по времени на двѣ большія группы—римскіе съ одной стороны и византійскіе и восточные съ другой. Они относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. и были находимы въ центральныхъ уѣздахъ губерніи: Валковскомъ, Харьковскомъ, Ахтырскомъ и Зміевскомъ; другіе начинаются съ VI, тянутся затѣмъ на протяженіи слѣдующихъ VII, VIII и IX вѣковъ; это—византійскія и арабскія монеты; византійскія найдены были въ Старобѣльскомъ, Бупянскомъ и арабскія—въ Сумскомъ.

Такимъ образомъ, монетныя находки свидѣлствуютъ намъ, собственно говоря, о двухъ періодахъ, изъ коихъ первый относится къ I—III в. нашей эры, а второй VI—IX в. Курганы, раскопанные г. Зарѣцкомъ, можно съ значительною вѣроятностью отнести къ этой первой болѣе древней культурѣ. О сравнительно высокому уровню ея свидѣлствуютъ тѣ художественныя издѣлія, о которыхъ мы упоминали ниже, и которыя вызываютъ у насъ въ памяти другую аналогичную находку.

Въ 1810 г., по словамъ извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля и литератора В. Н. Каразина, въ томъ же Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ производилъ раскопки г. Зарѣцкій, найденъ былъ золотой жезлъ или вѣнецъ, свитый изъ 2-хъ колецъ, вѣсомъ въ 3—4 фунта съ изображеніями оленя, рыси и вепря.

Другой болѣе поздній періодъ, обозначаемый монетными находками, соответствуетъ хозарско-славянской эпохѣ нашей мѣстной исторіи. О немъ мы имѣемъ и нѣкоторыя историческія свидѣтельства. Уже въ половинѣ IX в. нѣкоторыя славянорусскія племена, въ томъ числѣ сѣверяне, уплачивали дань хозарамъ. Таже Хозарія имѣла сношенія и съ Византіей. Вотъ путемъ такихъ то взаимныхъ отношеній и могли попасть въ нынѣш. Харьковскую губернію византійскія монеты VI в. Очень характерно здѣсь то обстоятельство, что монеты были найдены въ самыхъ восточныхъ уѣздахъ—Купянскомъ и Старобѣльскомъ недалеко отъ Дона. Весьма важными памятниками славянорусской жизни въ этихъ мѣстахъ являются *городища*.

На свою археологическую карту я нанесъ ихъ 42; но въ дѣйствительности ихъ несравненно болѣе. Донесенія священниковъ, служившія для меня главнымъ источникомъ, не отличаются достаточною полнотою, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, пропускъ Мало-Исторопскаго городища. А если могло быть пропущено земляное укрѣпленіе, отличающееся столь грандіозными размѣрами, то что-же сказать о небольшихъ городищахъ, которыя называются просто майданами или разрытыми могилами и отъ дѣйствія времени со всѣмъ почти потеряли свою прежнюю форму. Не слѣдуетъ забывать также того, что я не наносилъ на карту городищъ, которыми пользовались слободскіе казаки, а равно и тѣхъ, о

I
II

Слѣды
сруженіи

Городища

которыхъ упоминають акты XVI—XVIII вв., но которыя въ настоящее время уже не существуютъ. Извѣстныя теперь городища распредѣляются по уѣздамъ такъ: въ Лебединскомъ уѣздѣ 12, Ахтырскомъ—6, Старобѣльскомъ—5, Изюмскомъ—4, Богодуховскомъ—3, Валковскомъ—3, Сумскомъ—3, Зміевскомъ—3, Харьковскомъ—2, Волчанскомъ—1, Купянскомъ—ни одного. Наиболѣе густо городищами усыяна сѣверо-западная часть губерніи; въ юго-восточной же отличается обиліемъ ихъ только Старобѣльскій уѣздъ; но быть можетъ, современемъ окажется, что городища Старобѣльскаго уѣзда представляютъ изъ себя остатки донскихъ городковъ, подвергавшихся, какъ извѣстно, и разрушенію, и запустѣнію. Разсматривая географическое распредѣленіе городищъ, мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующее любопытное явленіе: всѣ они, за исключеніемъ одного, расположены по берегамъ важнѣйшихъ рѣкъ Харьк. губ.; на р. Пселѣ мы насчитываемъ 7 городищъ, на притокахъ его—2, на р. Ворсклѣ—6, на притокѣ ея Ворсклицѣ—1, у рѣчки Локни, впадающей въ притокъ Сейма р. Виры—4, на притокѣ р. Сулы Терны—1, на рѣкѣ Мерлѣ и вблизи ея—2, на р. Мжѣ—1, у притока ея—1, на р. Удахѣ—2, на притокѣ ея Люботинѣ—1, на Сѣверскомъ Донцѣ—7, на притокахъ его 6 (одно на Берекѣ, три на Айдарѣ, одно на Деркулѣ, одно на Боровой). Всѣ городища распредѣляются въ Харьковской губ. между 2 рѣчными бассейнами такимъ образомъ: на долю Днѣпровскаго приходится 23 городища, Донецкаго 18.

Спрашивается теперь, къ какому же времени нужно отнести эти городища. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они древняго происхожденія; большинство ихъ является остатками существовавшихъ здѣсь въ домонгольскій періодъ древнерусскихъ городовъ. Мысль эта впрочемъ далеко не новая; ее впервые высказалъ В. Пассекъ, подтвердилъ преосв. Филаретъ и, наконецъ, недавно тщательно разработалъ П. В. Голубовскій (въ своей „Исторіи южно-русскихъ степей“). Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и историческія свидѣтельства, и географическая номенклатура, и нѣкоторыя археологическія данныя.

Прежде всего нужно отмѣтить то обстоятельство, что мѣстность эта съ пол. XIII до конца XVI в. представляла изъ

себя настоящую пустыню. Слѣдовательно, происхожденіе здѣшнихъ городищъ относится или къ домонгольскому періоду, или къ XVI—XVIII в. Въ промежутокъ времени съ XIII по XVI в. включительно хозяевами здѣсь были татары, а они городовъ въ степи не строили. Но о многихъ харьковскихъ городищахъ мы находимъ указанія въ памятникахъ XVI—XVII вв. (въ росписяхъ станицъ и Книгѣ большого чертежа): тамъ они уже называются городищами. Ясно, такимъ образомъ, что они представляютъ остатки городовъ домонгольского періода. Въ росписи путивльскихъ и рыльскихъ станицъ и годовъ 1571 г. говорится о Донецкомъ, Хорошевомъ, Коломацкомъ, Липенскомъ и Торчиновомъ городищахъ, Павловомъ селищѣ, Кубенской могилѣ въ Немирѣ, Зміевомъ и Изюмскомъ-курганѣ. Въ Книгѣ большого чертежа перечисляются слѣдующія харьковскія городища по Донцу и Удамъ—Нежегольское, Салтановское, Котковское, Гуминья, Чугуево, Кабаново, Хорошево, Донецкое, Мухначево, Зміево и Каменное. Сюда же нужно присоединить еще б. м. три городища на р. Пселѣ—Каменное, Азакское, Городецкое; о нихъ мы находимъ упоминанія въ актахъ пол. XVII в. (въ дворцовыхъ разрядахъ). Часть ихъ сохранилась до настоящаго времени. Правда о послѣднихъ трехъ городищахъ можно сдѣлать еще одно предположеніе—допустить, что они возникли въ эпоху новой колонизаціи Литовско-Русскаго госуд. въ XV—XVI вв.; но едва-ли это такъ было на самомъ дѣлѣ. Не только Полтавщина, но и Черниговщина въ XVI в. (не говоря уже о XV) была заселена чрезвычайно слабо; акты XV-го вѣка говорятъ намъ постоянно о селищахъ, т. е. опустѣлыхъ селахъ. Побережья Ворсклы и Хорола представляли изъ себя уходы кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ казаковъ; Сулы и Псла—каневскихъ мѣщанъ, Удаю—черниговскихъ жителей. Только въ концѣ XVI в. стали заселяться верховья Удаю, Сулы, Хорола и Псла. Врядъ ли въ это время могли основаться эти городища. Что же касается Донецкихъ городищъ, то относительно ихъ такое предположеніе (о происхожденіи въ XVI—XVII в.) оказывается уже совершенно невозможнымъ, такъ какъ край этотъ находился далеко какъ отъ Литовско-Русскаго, такъ и отъ Московскаго рубежа.

Но можно ли это апріорное соображеніе о домонгольскомъ

происхожденіи харьковскихъ городищъ подтвердить какими-нибудь фактическими данными, когда извѣстно изъ лѣтописи, что край этотъ лежалъ уже за предѣлами славянонорусскихъ поселеній.

Лѣтопись дѣйствительно умалчиваетъ о существованіи славянонорусскихъ или, точнѣе говоря, сѣверянскихъ поселеній въ бассейнѣ Псла, Ворсклы и Донца; она говоритъ только о бассейнахъ Десны съ Сеймомъ и Сулы. Но, во первыхъ, и верховья р. Сулы, и одинъ изъ притоковъ Сейма (р. Виры) находятся въ предѣлахъ нын. Харьковской губ., а во вторыхъ, умолчаніе лѣтописи еще ничего не доказываетъ, такъ какъ она не была географическимъ сочиненіемъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь существовали города, о которыхъ по разнымъ случайнымъ поводамъ, говоритъ таже лѣтопись. Есть факты и соображенія, указывающіе на распространеніе сѣверянскаго населенія гораздо дальше тѣхъ предѣловъ, которые ему назначаетъ лѣтописецъ; это поступательное колонизаціонное движеніе сѣверянъ къ югу и юговостоку, имѣвшее мѣсто при существованіи Хазарской державы, въ послѣдствіи совсѣмъ прекратилось; мало того—подъ вліяніемъ торковъ и въ особенности половцевъ граница южной Руси подвинулась значительно къ сѣверу. Южная Русь должна была напречъ всѣ свои усилія, чтобы отстоять себя отъ этихъ кочевниковъ; всѣ крайніе юго-восточные пункты нашихъ владѣній, въ томъ числѣ и отдаленная Тмутаракань, теперь были закрыты кочевниками; только въ нѣкоторыхъ болѣе укрѣпленныхъ мѣстахъ могли удержаться оазисы славянонорусскаго населенія.

Чернигово-Сѣверское и Переяславское княжества представляли пограничье съ Половецкою землею; послѣднее въ лѣтописи прямо называется Украиною. Въ качествѣ пограничныхъ городовъ Чернигово-Сѣверской земли въ XII в. упоминаются Вырь, Выханъ и Попашъ, находившіеся въ нынѣшней Харьковской губ., первый на мѣстѣ нын. Бѣлополя, второй—на притокѣ р. Сулы Тернѣ у Лехановскаго городища, третій—на р. Попадѣ, также впадающей въ Сулу; здѣсь по видимому гдѣ то былъ и г. Зарытый, а на р. Локнѣ жили посадники Черниговскаго князя. Въ настоящее время есть двѣ Локни—одна впадаетъ въ притокъ р. Псла Суджу, а другая въ притокъ р. Сейма Виры. Я принимаю вторую Локню, такъ

какъ по смыслу лѣтописи посадники сидѣли по всему Посемью. Такого толкованія не опровергаетъ соображеніе одного изъ изслѣдователей, что, принявъ эту Локню, мы заставимъ половецкихъ пословъ идти назадъ отъ Выря; на самомъ дѣлѣ верховья Локни, впадающей въ Вырь, лежатъ на юго-западъ отъ г. Выря и во всякомъ случаѣ эта дорога въ Черниговъ, гдѣ тогда повидимому находился Всеслодъ, была болѣе прямая, — чѣмъ дорога на Локню Суджанскую, которая лежитъ въ противоположномъ направленіи отъ Чернигова. Я сказалъ, что на Локнѣ жили посадники; а гдѣ находились посадники, тамъ, конечно, были и города. И если мы припомнимъ, что въ настоящее время у этой же самой Локни находятся четыре городища, то едвали слишкомъ невѣроятнымъ покажется предположеніе о тождествѣ ихъ съ старыми городами по Локнѣ. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ Лебединскомъ и Сумскомъ уѣздахъ въ XII в. существовало нѣсколько городскихъ поселеній, которыя, съ появленіемъ татаръ, запустѣли и превратились въ городища; причемъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ удержали старыя названія вплоть до появленія въ этихъ мѣстахъ новыхъ поселенцевъ — черкасъ; такъ, извѣстно, что новыя малороссійскіе колонисты основали г. Бѣлополье на старомъ *Вырскомъ городищѣ*; и этотъ фактъ не единичный; можно было бы указать множество примѣровъ того, какъ слобожане XVII в. пользовались для своихъ стратегическихъ цѣлей старыми городищами; не буду перечислять этихъ случаевъ, потому что они собраны въ моемъ изслѣдованіи о колонизаціи Слободской Украйны, отмѣчу только одинъ выдающійся наиболѣе: Салтовскіе черкасы поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, „гдѣ прежъ сего, говорится въ актѣ, былъ каменный городъ“; остатками этого города черкасы воспользовались какъ фундаментомъ для своего укрѣпленія.

Отрывочныя извѣстія лѣтописи прекрасно рисуютъ намъ состояніе такихъ окраинныхъ городовъ, каковъ былъ, напри-
мѣръ, Вырь. Половцы постоянно находятся за его стѣнами то въ качествѣ непріятелей, то въ качествѣ союзниковъ (конечно, временныхъ); „и своя братія“ князя также не особенно щадятъ его. Но несмотря на это, онъ все таки, подобно старой Тмутаракани, служилъ резиденціей для князей (правда

не особенно спокойной). Здѣсь также, какъ мы видѣли, жили и посадники. Впрочемъ, и за этими городами непосредственно еще не начинались половецкія вѣжи. Ихъ отдѣляла отъ Руси чисто боевая граница съ кое гдѣ разбросанными по ней городками и острожками. О существованіи городовъ не только на сѣверномъ пограничѣ Харьковской губ., но и гораздо южнѣ свидѣлствуютъ нѣкоторыя случайныя сообщенія лѣтописи. Громадный интересъ представляетъ извѣстіе одного лѣтописнаго списка о томъ, что герой „Слова о полку Игоревѣ“ Игорь Святославичъ, спасаясь отъ половецкаго плѣна, нашелъ себѣ пріютъ въ городѣ Донцѣ. Название города показываетъ, что онъ долженъ былъ находиться въ бассейнѣ рѣки Донца. И дѣйствительно, въ настоящее время мы имѣемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова, на правомъ берегу рѣки Уды, Донецкое городище, о которомъ, какъ мы видѣли, упоминаютъ уже акты XVI в. Въ Книгѣ большого чертежа мы читаемъ: „а по лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше Хорошева городища, Донецкое городище: отъ Хорошаго верстъ съ пять. А выше Донецкаго городища съ правой стороны впала въ Уды рѣчка Харьковъ отъ городища съ версту“. Извѣстный Вадимъ Пассекъ первый указалъ на тождество Донецкаго городища съ городомъ Донцомъ. Онъ же первый догадался, что показаніе Книги чертежа о положеніи Донецкаго городища на лѣвомъ берегу р. Уды нужно понимать совсѣмъ наоборотъ, такъ какъ древній описатель обыкновенно входилъ изъ главной рѣки въ устье второстепенной и рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ на-право и на-лѣво. Издатель Книги большого чертежа Спасскій опровергаетъ мысль В. Пассека тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ тотъ же составитель Книги чертежа поступаетъ совершенно наоборотъ. На это я съ своей стороны замѣчу, что составители старыхъ географическихъ отрывковъ поступали и такъ, и иначе. Въ „Описной Книгѣ городовъ Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ“, составленной во второй половинѣ XVII в., положеніе береговъ опредѣлено неправильно, а въ другомъ географическомъ сочиненіи, относящемся къ тому же времени и къ той же мѣстности („Смотрѣнная книга Ахтырскаго полка“) правый и лѣвый берегъ опредѣляются вполне научно. Если въ Книгѣ большого чертежа мы встрѣчаемъ и правильное и не-

Дон
город

правильное обозначеніе, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что географическія свѣдѣнія для этой книги доставлялись разными лицами, которые держались не одинаковой манеры опредѣленія. Но въ данномъ случаѣ Донецкое городище несомнѣнно находилось на правомъ берегу р. Уды, такъ какъ и положеніе сосѣдней рѣки Харькова составитель Книги большаго чертежа опредѣляетъ неправильно: онъ говоритъ, что она впадаетъ въ Уды съ правой стороны, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ она вливается въ нее съ лѣвой. Вадимъ Пассекъ думалъ, что здѣсь и проходила граница южной Руси съ Половецкой степью. „Эта граница, говоритъ онъ, шла, кажется, отъ вершины Донца внизъ по его теченію къ рѣкамъ Удѣ и Можи; отсюда къ ихъ вершинамъ и къ верховью рѣки Коломака, потомъ по теченію ея до Ворсклы, Ворсклою до Днѣпра. Названіе рѣки Мжи или Межи, кажется, указываетъ на древнюю нашу границу: вѣроятно, она была нашимъ рубежемъ съ землею Половецкою, а кочевыя становища половцевъ были еще глубже въ степяхъ на нѣсколько дней ѣзды отъ Руси“. Но намъ кажется, что ближе къ истинѣ П. В. Голубовскій, значительно расширяющій предѣлы боевой границы Чернигово Сѣверской земли съ половецкою степью. Неужели могъ выдвинуться такъ далеко въ степь *одинъ* только русскій городъ; неужели онъ могъ бы доставить безопасное убѣжище Игорю Святославичу, если бы Пселъ, Ворскла съ Мерломъ и Коломакомъ и средній Донецъ были во власти половцевъ? Нѣтъ, городъ Донецъ *не могъ стоять одиноко въ степи*: здѣсь должны были находиться и другіе укрѣпленные пункты. И дѣйствительно, лѣтопись говоритъ намъ о трехъ городахъ — Шаруканѣ, Балинѣ и Сугровѣ, находившихся, по мнѣнію исследователей, въ нынѣшней Харьковской губ. въ бассейнѣ р. Донца. Несомнѣнно, что названія ихъ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ именами половецкихъ хановъ; несомнѣнно, что они находились въ нѣкоторой зависимости отъ половцевъ; но болѣе вѣроятносчитать жителей этихъ городовъ русскими славянами, подвергшимися вліянію половцевъ, чѣмъ половцами, принявшими христіанство; а что это были христіане, объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что они отворили ворота, когда въ русской рати, подступившей къ Шарукани, заплѣли кондаки и тропари честнаго Креста. Вліяніе тюркскаго начала на русское

населеніе степныхъ окраинъ фактъ болѣе или менѣе извѣстный; стоитъ только вспомнить русскихъ бродниковъ, бывшихъ повидимому въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ тюрками, чѣмъ съ Русью. Очевидно существовала такая пограничная территорія, въ которой попадалось и русское, и тюркское населеніе; въ мирные моменты они могли уживаться другъ съ другомъ, но русскій осѣдлый людъ здѣсь не могъ утвердиться окончательно, а однихъ военныхъ контингентовъ было для этого недостаточно. Сама лѣтопись говоритъ, что въ такихъ окраинныхъ городкахъ жили половцы да псаріи, т. е. русскіе охотники. Это, очевидно, была область острожковъ, служившихъ центрами сторожевой и станичной службы, существовавшей здѣсь, какъ кажется, и въ до-татарское время. Одинаковыя причины обыкновенно приводятъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ. И условія мѣстности, и историческія обстоятельства въ XII—XIII вв. были здѣсь такія же, какъ и въ XVI—XVII; только тогда половцевъ смѣнили татары; но и тѣ, и другіе принадлежали къ одной и той же тюркской народности и жили въ одинаковыхъ условіяхъ кочевого быта. Неудивительно, поэтому, что и въ домонгольскій, и въ московскій періодъ здѣсь строились укрѣпленные городки—острожки, насыпались тянувшіяся на много верстъ земляные валы; чернымъ клобукамъ и бродникамъ перваго періода соотвѣтствовали казаки послѣдующаго; самый характеръ борьбы былъ одинаковый—тѣ же наѣзды „изгономъ“, то же плѣненіе жителей; наконецъ, въ лѣтописи прямо упоминаются русскіе и половецкіе сторожа, которые ловили „языка“.

Мысль о принадлежности средне Донецкаго бассейна Руси подтверждается лѣтописными извѣстіями о походахъ русскихъ князей на половцевъ. Во время похода Игоря Святославича въ 1185 г. онъ два дня ждалъ брата своего на рѣкѣ Осколѣ; слѣдовательно, все пространство между Донцомъ и Осколомъ не было еще половецкою степью; Осколъ же, какъ извѣстно, протекаетъ на востокъ отъ Донца.

Остатками сѣверянскихъ городовъ и являются тѣ городища, о которыхъ мы говорили выше. Они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Намъ извѣстны уже тѣ городища, которыя находятся на Донцѣ и упоминаются въ Книгѣ большаго чертежа. Къ нимъ нужно еще причислить *Сиверское*, лежащее у слободы

Мѣловой; недалеко отъ него выше слободы, на военной топографической картѣ, обозначенъ яръ Сиверскій. Здѣсь чрезвычайно любопытно прилагательное Сиверскій, ясно указывающее на прежнихъ насельниковъ этого мѣста—Сѣверянъ. Въ связи съ этимъ необходимо поставить и названіе Донца Сѣверскимъ въ Книгѣ большаго чертежа (нынѣ употребляемое названіе Сѣверный представляетъ искаженіе стараго).

Въ пользу древняго происхожденія харьковскихъ городищъ говоритъ также и ихъ устройство. Всѣ они представляютъ изъ себя укрѣпленія; расположены обыкновенно на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ и вообще въ неприступныхъ мѣстахъ (лѣсистыхъ или болотистыхъ); вездѣ мы видимъ валы и рвы, по большей части двойные; къ главной площади постоянно примыкаетъ придатокъ, предназначенный для устройства отдѣльнаго передоваго укрѣпленія; „боевая сторона всѣхъ этихъ городищъ, по словамъ В. Пассека, хотя въ зависимости отъ мѣстности, но замѣтно обращена *не противъ Руси, а отъ Руси* и по величинѣ своей они также могутъ быть признаны за остатки старинныхъ городовъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ эту общую характеристику. Донецкое городище имѣло 24 саж. длины, $12\frac{1}{2}$ ширины и 15 высоты; съ сѣвера, юга и запада оно окружено валомъ и рвомъ, а съ востока берегомъ рѣки Уды; на югѣ у него есть два придатка въ видѣ передовыхъ укрѣпленій. Хорошево городище—30 саж. длины, 12 ширины и отъ 2 до 15 саж. высоты; валъ отъ 4-хъ до 8-ми сажень ширины идетъ на 1170 саж., начинаясь довольно далеко отъ городища; само городище имѣетъ видъ четырехугольника изъ двухъ рядовъ валовъ раздѣленныхъ широкимъ и глубокимъ рвомъ; къ этому четырехугольнику примыкаетъ еще одна прибавочная часть, занимающая площадь около 4-хъ десятинъ. По своимъ размѣрамъ выдаются городища Куколевскаго и Хозарское; первое не менѣе 3-хъ верстъ въ окружности съ высокими тройными валами; отъ сѣвера къ югу оно простирается на 447 саж., съ востока на западъ—на 250; оно заключаетъ въ себѣ двѣ возвышающіяся другъ надъ другомъ плоскости, представлявшія, по всей вѣроятности, двѣ крѣпости—внутреннюю и внѣшнюю; по валамъ его росли громаднѣйшіе дубы, такъ что на пняхъ ихъ легко могъ бы лежать высокій человѣкъ, не занимая всей

длины; по формѣ оно представляетъ неправильный многоугольникъ. Хозарское городище расположено въ лѣсу, называемомъ Ринцовымъ рогомъ; окружено тройными валами и до такой степени заросло дремучимъ лѣсомъ, что его трудно и осмотрѣть. Къ сожалѣнію, харьковскія городища не подверглись еще правильному археологическому изслѣдованію; но и случайныя находки опять таки говорятъ въ пользу древности ихъ. Профессоръ Ю. И. Морозовъ, изслѣдовавшій Хорошевское городище, находилъ въ немъ слои обугленныхъ дубовыхъ бревень, куски спекшейся глины съ отпечатками хвороста и камыша, черепки глиняной посуды съ очень грубыми узорами, выдавленными ногтемъ, кости быковъ, барановъ и медвѣдей, каменное метательное орудіе изъ краснаго твердаго песчаника и бусинку каменнаго мониста. Въ Донецкомъ городищѣ В. Пассекъ отыскалъ черепки, кости, кусочекъ красной листовой мѣди и какое-то глиняное покрытое лакомъ украшеніе съ двумя пронизками. Въ Могрицкомъ городищѣ крестьяне при распаханіи находили человѣческія кости, копыта и другія военныя орудія. Въ городищѣ Куколевскаго попадались мѣдныя наконечники стрѣлъ, а также кривыя татарскія сабли и ножи съ желѣзною четвертью луны; послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что имъ пользовались и татары; по всей вѣроятности, такое явленіе имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ, и такимъ образомъ, одно и то же городище служило представителемъ разныхъ народностей—то русскимъ, то тюркамъ и при томъ какъ въ болѣе раннее, такъ и болѣе позднее время. Хорошевскимъ городищемъ, какъ извѣстно, пользовались слободскіе казаки.

Географическая номенклатура Харьковской губ. находится въ полномъ соотвѣтствіи съ этими заключеніями; здѣсь тюркскія названія такъ же распространены, какъ и русскія. Названія рѣкъ звучатъ по славянски: Уды—старинная форма имени тѣхъ падежа единств. числа, оканчивающагося на *ы*, по сообщенію достоуважаемаго А. А. Потебни, Мерла, т. е. мертвая (упоминается уже въ древней русской лѣтописи), Бабка, Лопань и др.; названія многихъ городищъ также русскія—Хорошево, Кабанье, Котковское, Гуменье, Зміево, Каменное и другія. Въ другихъ именахъ слышится тюркскій элементъ—Бусовъ яръ у стараго Салтова („поютъ время Бусово“), Изюмъ,

Харьков.
Х. губ.

курганъ, Ахтырка, рѣка Адалага, Чугуево городище (въ лѣтописи упоминается половчанинъ Чугай), р. Торь (нын. Торець), городъ Торь (нын. Славянскъ). Торчиново городище указывающіе на обитавшихъ здѣсь нѣкогда торковъ, Кукуево городище, напоминающее древнихъ коуевъ и т. д. Если присоединить сюда еще Хозаревское городище, то мы откроемъ въ этихъ географическихъ названіяхъ слѣды всѣхъ тѣхъ народцевъ, которые, по историческимъ свидѣтельствамъ, проживали въ Харьковской губ.

Тюрки, повидимому, оставили намъ еще одно наслѣдіе—каменные бабы. Ихъ хорошо знали въ XVI—XVII в. московскіе станичники и называли то каменными дѣвками, то каменными людьми; „а на рѣчкѣ на Терновкѣ, читаемъ мы въ Книгѣ большаго чертежа, стоитъ человекъ каменный, а у него кладутъ изъ Бѣлограда станичники доѣздные памяти, а другіе памяти кладутъ на Самарѣ и у дву дѣвокъ каменныхъ“; „а на правой сторонѣ по тому истоку, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ того же памятника, люди каменные болваны“; теперь они называются обыкновенно каменными бабами или бѣлыми дѣдами. О нихъ имѣется извѣстное классическое свидѣтельство путешественника XIII в. Рубруквиса, который говоритъ, что половцы надѣ могилою умершаго дѣлали изъ земли насыпь и ставили ему статую, которая была обращена лицомъ къ востоку, имѣла въ рукахъ подъ животомъ чашку. Количество каменныхъ бабъ въ Харьковской губ. довольно велико; я обозначилъ на своей археологической картѣ всѣ тѣ, относительно которыхъ можно было думать, что онѣ мѣстнаго происхожденія. Разсматривая географическое распредѣленіе каменныхъ бабъ въ Харьковской губ., мы замѣчаемъ одну особенность: онѣ густо разсѣяны въ южныхъ уѣздахъ губерніи (въ Изюмскомъ, Зміевскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ) и почти вовсе отсутствуютъ въ сѣверныхъ; это обстоятельство объясняется конечно тѣмъ, что сѣверная часть губерніи въ XI—XII и первой половинѣ XIII в. принадлежала сѣверянамъ, а южная—половцамъ. Вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, впрочемъ, не рѣшенъ еще окончательно, а между тѣмъ его возможно рѣшить археологическимъ путемъ. И въ настоящее время въ Харьковской губ. сохранилось еще много каменныхъ бабъ, стоящихъ на курганахъ; если будутъ сдѣланы правильныя раскопки та-

Распо-
ложеніе
баб.

кихъ кургановъ, то этимъ самымъ или окончательно утвердится или опровергнется извѣстіе Рубруквиса. Въ моемъ присутствіи раскопанъ былъ въ Изюмскомъ уѣздѣ близъ д. Курулекъ г.г. Бичъ-Дубенскими одинъ курганъ съ каменною бабою, въ которомъ никакихъ вещей не оказалось, а покойникъ былъ похороненъ съ лошадыю. Но, конечно, одна раскопка еще не даетъ права сдѣлать никакихъ положительныхъ заключеній о древности могилъ; здѣсь, повторяю, необходимы систематическія изслѣдованія.

Многія мои заключенія покажутся, быть можетъ, не вполне убѣдительными; но это зависитъ отъ характера источниковъ: приходилось нерѣдко пользоваться отрывочными данными и краткими намеками. Мои выводы нуждаются въ провѣркѣ археологическими данными, а эти послѣднія покоятся еще въ землѣ. Позволю выразить свое задушевное желаніе, чтобы памятники Харьковской старины поскорѣе вышли на свѣтъ Божій и чтобы изъ нихъ составилъ мѣстный музей, на подобіе тѣхъ, которые существуютъ во многихъ губернскихъ городахъ (Твери, Саратовѣ и т. п.).

Д. И. Багалъй.